

ДРУГИЕ МИРЫ

Дарья Кузнецова

МОДУС ВИВЕНДИ

Annotation

Что делать, если на сложнейшее дипломатическое задание тебя, уникального специалиста по контактам с иными мирами, отправляют под защитой невыносимого, грубого и непредсказуемого Одержимого? А от успеха задания зависит судьба Империи? Только сохранять спокойствие и не реагировать на провокации.

Вета Чалова, особый дипломат Его Императорского Величества, прекрасно знает: выдержка и хладнокровие — лучшее оружие. Но только сработает ли оно на этот раз?

Дарья Кузнецова

Модус вивенди

Иллюстрация на обложке Степана Гилева

© Д. Кузнецова, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава первая. Состав представительства

Мужчины, с которыми я бы охотно потанцевала, все без исключения не танцуют.

Марлен Дитрих

— Барышня, шли бы вы, воздухом подышали! Вон какая погода хорошая; может, последние теплые деньки!

— Матвей Степанович, ваш пессимизм удручает, — с легким укором проговорила я, отодвигая в сторону контейнер с «клыками» — информационными носителями, получившими свое название за характерную форму.

— Какой такой пессимизм? — растерялся ворчун.

— Отчего сразу «последние»? Нет уж, мы с вами еще повоюем! — я позволила себе легкую улыбку.

Матвей Степанович Савельев, строго говоря, был мне совершенно посторонним человеком. Но он очень любил и уважал отца и по непонятной причине считал своим долгом приглядывать за мной теперь, после его смерти. Наверное, одинокому старику больше не о ком было заботиться, а потребность такая имелась. Я же... В общем-то, я находилась в аналогичном положении и тоже искренне радовалась присутствию в моей жизни этого старого офицера.

Первое время он упрямо навещал меня, добираясь каждый раз через полгорода. Вскоре меня заела совесть, и я предложила старику перебраться ко мне — благо, стеснить кого-то в этих хоромах было затруднительно. В конце концов, скомпрометировать меня подобное соседство не могло: не в том Савельев был возрасте, а выиграла от этого все. И дом, в котором я появлялась довольно редко, был под присмотром, и самому штабс-капитану не надо было тратить время на дорогу, да и вписался он в наш Вдовый район удивительно органично.

— Ох, барышня, все шутки шутите! Шли бы вы, в самом деле. Худая, бледная; в чем только душа держится? Да и Савку бы прогуляли; она же по вам скучает, — вернул укор собеседник.

Здесь крыть было нечем. Савкой Матвей Степанович называл мою собаку, эдак фамильярно сокращая Македу Царицу Савскую до чуть ли не дворняжьей клички. Но та, несмотря на родословную более древнюю, чем у иных титулованных особ, благородно простила старика и платила ему за ласку искренней любовью. Сейчас, услышав свое имя, она подняла морду с лап, разглядывая нас умными карими глазами, и пару раз вежливо махнула хвостом.

Более интеллигентной собаки я не встречала никогда. Что там собаки; аккуратности у нее могли бы поучиться многие люди! Русские псовые борзые вообще, на мой взгляд, служили эталоном изящества и достоинства, но Македа выделялась даже среди них, с гордостью нося громкое имя. Я не помню случая, чтобы она без команды за кем-то кинулась, подобрала что-то с земли или вообще украла. Эта собака, кажется, скорее умерла бы с голоду, чем позволила себе недостойное поведение. Порой в ее присутствии я и сама чувствовала себя неловко.

Перед Царицей мне было стыдно всегда. Служба не позволяла много времени проводить в родном доме, и получалось, что я постоянно предавала собачью преданность этого благородного создания. Савельев знал, на что давить, чтобы заставить меня оторваться от работы. И за это я тоже была ему благодарна: если бы не упрямство старика, я бы так и погибла на рабочем месте, зачехнув без солнечного света, свежего воздуха и нормальной еды, на одном только кофе.

— Ваша правда, — смирилась с неизбежным я. — Пожалуй, стоит прерваться.

Прерваться стоило и по объективным причинам. Работа с энцефалографом — довольно вредное занятие, которым не следует злоупотреблять. Говорят, он не только увеличивает риск развития опухолей, но также провоцирует возникновение всевозможных психических расстройств вплоть до шизофрении. Хотя смутное ощущение, что я провожу в объятьях прибора гораздо больше времени, чем все подопытные этих исследователей, вместе взятые, не давало воспринимать угрозы всерьез. Одно было неоспоримо: перед записью себе в голову следующей порции информации стоило осмыслить старую, и прогулка с собакой подходила для этого идеально.

— Вот это правильно! — искренне обрадовался мужчина. — Вот это дело! А я как раз пока уборку запущу и окна открою, а то как в склепе сидите, — продолжая беззлобно ворчать, он вышел, давая мне возможность спокойно одеться.

— Ну что, Ваше Величество, собирайтесь на прогулку, — обратилась я к собаке. Та неторопливо поднялась со своей лежанки у камина, гибко потягиваясь и широко зевая. А я прошла из кабинета в смежную с ним спальню, чтобы сменить домашний наряд на нечто более подходящее для выхода. Удобные полуботинки, неширокая юбка до щиколотки, приталенная блузка с накрахмаленным воротничком. Единственным отступлением от привычного образа сегодня была теплая кофта вместо строгого форменного пиджака — все-таки прогулка. Собрав волосы в нетугой (чтобы голова отдыхала) низкий узел, взяла перчатки и гравитонный поводок для собаки. На этом сборы можно было считать окончанными.

Окинув себя напоследок взглядом, не удержалась от сокрушенного вздоха: после двух дней напряженной подготовительной работы я и вправду выглядела... не очень. Даже сильнее «не очень», чем обычно. В уголках губ и глаз проступили глубокие складки, такая же рассекла лоб. Глаза вообще производили жуткое впечатление: и без того большие, темные и глубоко посаженные, в обрамлении проложенных усталостью теней они вовсе казались черными провалами. В сочетании с привычной серо-голубой холодной гаммой одежды образ получился откровенно пугающим. Эдакое привидение синего чулка.

— Да уж, Ваше Величество, наш Матвей, как всегда, прав и при этом удивительно тактичен, — обратилась я к собаке, направляясь к выходу. Похлопала себя по левому бедру, и Македа послушно пристроилась рядом. — Про такое обычно говорят «краше в гроб кладут». Как вы думаете, у меня есть шансы исправиться?

Царица не ответила, сделав вид, что не поняла вопроса. Хотя я была уверена: промолчала она исключительно от хорошего воспитания и нежелания оскорблять хозяйку отрицательным ответом.

Для того чтобы привести себя в божеский вид, нужен был полноценный отпуск, а где же его взять? Вот и приходилось довольствоваться короткой прогулкой.

Вдовий район при постройке получил название Военного городка и должен был стать весьма уютным и приятным местечком. Но потом началась война, и как-то незаметно за три тяжелых года к этому месту приклеилось совсем другое название. Это было почти двадцать

лет назад, время залечило раны, былая безотцовщина выросла во взрослых людей, тонкие деревца вытянулись и образовали уютные тенистые аллеи, а название так и осталось, укоренилось и постепенно проросло даже в официальные документы.

Удивительно, но это название почему-то не считалось в народе дурной приметой, а район считался весьма уважаемым.

Мне нравилось здесь; тут было тихо, уютно и очень спокойно. Невысокие аккуратные особнячки, малоэтажные дома по несколько квартир, много зелени и низкая интенсивность движения. Сонная окраина, на которой ничего не случается. Самое лучшее место для спокойного отдыха или для плодотворного изучения документов.

А еще неподалеку располагался обширный уютный парк, в котором гуляли все местные собаководы. Это было единственное место, где Царица ненадолго забывала о своем высоком происхождении и позволяла себе вдоволь побегать в компании пары четвероногих друзей.

Отпустив поводок на максимальный радиус, составлявший что-то около полукилометра, я брела по дорожке, любуясь торжественной яркостью осеннего увядания. Впрочем, мысли мои были очень далеки не только от безымянного парка во Вдовьем районе Столицы, но и от этого мира в целом.

На моем самом первом вводном занятии на первом курсе Университета легендарный Семен Семенович Ивантеев начал речь с простого вопроса: какое главное качество должно быть у дипломата? Версий было озвучено множество, все они были похвалены, весело обсуждены, разобраны, вот только верный ответ он так и не назвал, с загадочной улыбкой напутствовав нас: «А вы подумайте!». Довольно быстро я пришла к выводу, что одно такое качество назвать просто невозможно, ну или ответ на загадку должен звучать как-то вроде «он должен быть хорошим дипломатом». Но в мыслях в разные периоды жизни я порой возвращалась к этому вопросу. И самое странное, что уже пару лет меня настойчиво преследовал один ответ: фантазия. Чтобы понять и принять все это многообразие видов, нужна недюжинная фантазия и умение ей пользоваться.

Вскоре мою собственную фантазию ждала серьезная проверка на прочность, потому что сведений о тех существах, к которым мне предстояло отправиться, за несколько десятков лет контактов накопилось ничтожно мало.

Впрочем, всерьез сосредоточиться на вопросе я не успела: в виске появился легкий зуд от сработавшего нейрочипа. Общения со мной жаждал отлично знакомый человек, и я отчетливо осознала, что все планы на сегодняшний день идут насмарку. Просто так коллежский секретарь Алеша Обручев не стал бы меня беспокоить.

Этот пылкий деятельный юноша состоял личным помощником действительного статского советника Сергея Сергеевича Аристова, заведующего в нашем Департаменте иностранных дел Ксенодипломатическим корпусом и являющегося по совместительству моим прямым начальником.

— Здравствуйте, Вета Аркадьевна! — Обручев был, как всегда, бодр и кипел энергией, за что его, собственно, и ценил наш Артист.

— Добрый день, Алеша, — ответила я. — Что-то случилось?

— Нет, вы не волнуйтесь. Просто Сергей Сергеевич решил собрать всю вашу группу для вводного инструктажа, а то он завтра отбывает на Трипту и боится не успеть вернуться. Я вас запеленговал, сажусь на полянке неподалеку, ловите направление; подходите, мне велено доставить вас в целости и сохранности.

— Это... несколько неожиданно, — вздохнула я, подзывая Царицу. — Я бы предпочла

сначала зайти домой: я не в той компании и не в том виде, чтобы являться к Аристову.

— Он в хорошем настроении, — весело хмыкнул юноша. — К тому же вы знаете, он обожает Царицу и будет рад ее повидать.

— На этом мои возражения иссякли, — вздохнула я, как раз выходя на поляну. Не тревожа стебли травы, над ней уже висел на гравитонной подушке новенький скоростной аэролет. Помимо функций личного помощника, Обручев исполнял обязанности и личного водителя начальника.

Пока я, подобрав юбку, дошла до транспортного средства, открылись обе двери — водительская и пассажирская, опустился коротенький трап, и из аэролета выкатился мой недавний собеседник.

Алеша был рыж. Рыж настолько, что окружающее яркое осеннее великолепие на его фоне мгновенно померкло и потускнело. Рыжие непослушные вихры, рыжие веснушки на курносом носу, рыжие брови и ресницы и голубые-голубые хитрые глаза. Рыжим отсвечивали золоченые пуговицы на темно-синем мундире, пряжка ремня, белые перчатки и даже, кажется, начищенные до блеска сапоги тоже имели рыжий оттенок. Удивительно солнечный парнишка.

— Здравствуйте, Вета Аркадьевна! — широко улыбнулся он. — Ваше Величество, — юноша степенно кивнул Царице. Та вежливо махнула хвостом, опознав хорошо знакомого человека, и подошла для более теплого приветствия. Вся серьезность с Алеши слетела в тот же миг, и Македа, как и положено собаке, была заглажена и зачесана до состояния блаженной прострации. В конце концов я не выдержала и кашлянула, привлекая внимание явно увлекшегося юноши.

— Алеша, ты говорил, это срочно?

— Ой, извините! Прощу, — поспешно выпрямившись, он жестом пригласил Царицу, и та легко запрыгнула внутрь, после чего галантно подал мне руку. Придерживая юбку, я забралась в уютное нутро машины, с иронией думая о том, какая правильная ткань идет на пошив формы: к ней совсем не приставала собачья шерсть. Белое на синем, бесспорно, эффектное сочетание, но не в этом случае.

Летал Обручев хорошо, хотя, как и положено молодому энергичному парню, не без лихачества. Быстрой езды я не любила, но в данном случае возражать было бессмысленно: заставить Алешу хоть немного снизить скорость умел только Аристов. Но тот был виртуозом и в принципе легко умел добиваться от окружающих желаемого. Правда, мне было непонятно, каким ветром его занесло именно в подразделение ксенодипломатии: находить общий язык с людьми у него получалось гораздо лучше, чем с иными видами.

С другой стороны, может, это и правильно. Руководил-то он людьми, а вот с Иными контактировал крайне редко, да и то не один, а непременно с консультантом, курирующим то или иное направление.

Прозвище «Артист» подходило начальнику идеально. Наверное, если бы он не родился потомственным дипломатом, ему была бы прямая дорога в актеры. Понять, когда этот человек говорит серьезно, а когда шутит, было невозможно. Кроме того, он всегда и со всеми был разным.

В чем его секрет, я поняла недавно; все оказалось гораздо проще, чем могло быть. Дело в том, что Сергей Сергеевич был зеркалом. Не в каком-то мистическом смысле, а в исключительно психологическом. Каждый человек любит себя, и собеседник, высказывающий сходную точку зрения и имеющий аналогичную манеру поведения, на

подсознательном уровне вызывает безотчетную симпатию и расположение. Такому хочется верить. Аристов же, великолепно разбиравшийся в людях, очень быстро становился отражением собеседника: перенимал его манеру речи, копировал интонации и мимику, не пренебрегал похвалами. А в случае изначального конфликта интересов и мнений умудрялся строить разговор таким образом, что собеседник в конце принимал нужную дипломату точку зрения, пребывая в полной уверенности, что стоял на ней изначальное.

Здание Департамента возвышалось в самом центре огромного города и было частью общего архитектурного ансамбля, состоявшего из восьми высоток, расположенных относительно Императорского дворца по сторонам света. Иностранным делам на этом компасе достался запад, и по решению архитекторов строение почему-то напоминало очертаниями плачущую березу или оплывшую свечу и отчетливо отливало зловещим багрянцем.

Наш корпус занимал самые верхние этажи этой высотки, выше — только зал приемов и кабинет начальника Департамента. Такое привилегированное положение ксенодипломаты получили по праву: контакты с иными разумными видами всегда представляли наибольшую сложность и опасность для служащих, а уж тем более — с видами новыми, доселе почти не изученными. Без ложной скромности я могла назвать себя специалистом в этой области. Лучшим или нет — сложный вопрос; учитывая, что нас таких на всю Земную Империю всего трое, наверное, глупо было мериться значимостью. Нас и так берегли.

— А-а, Веточка, здравствуйте, дорогая, — при моем появлении Аристов, сияя улыбкой, поднялся из кресла и шагнул навстречу. Правда, когда из-за моей юбки выступила Македа, объект приложения искренней радости Сергея Сергеевича резко изменился. — Царочка, вы, как всегда, обворожительны и неподражаемы!

Пока хозяин кабинета любезничал с собакой, я осмотрелась, отыскивая глазами остальных членов группы. Помимо меня в комнате присутствовал всего один человек, при виде которого мне стало здорово не по себе. Лично знакома с ним я не была, никогда не видела; но не нужно было рассматривать нашивки на повседневном сером мундире, чтобы сообразить, кто это. В кресле, закинув ногу на ногу и с усмешкой разглядывая меня и Царицу, сидел один из Одержимых. Чтобы это понять, достаточно было заглянуть ему в глаза; мне хватило опыта и выдержки вынести его взгляд, но испытание было, прямо скажем, не из простых.

Одержимые — странные... существа. Изначально они люди, но во что превращаются со временем — не может сказать ни один психиатр, а сами Одержимые блюдут тайну. По собственному почину или по указу свыше — мне не известно.

Говорят, в их телах живут сотни и даже тысячи душ, и при этом Одержимые не имеют своей. Это, конечно, только слухи, которые невозможно проверить. Я больше склоняюсь к версии о том, что это некое психическое заболевание, дефект в мозгу, вызывающий деформацию личности, но позволяющий им влиять на окружающий мир способом, который наши ученые пока не могут понять. О способностях этих людей ходят легенды; достоверной я могу назвать только одну — ту, свидетелем проявления которой была лично и за которую их особенно ценят.

Далекие звезды манили людей давно. На заре истории — просто как красивые огоньки, похожие на множество сияющих глаз. Потом — как возможный источник всего подряд, начиная со знаний и заканчивая полезными ископаемыми. Началось все давно, в двадцатом веке, когда люди выбрались за пределы атмосферы Земли. Потом в двадцать первом были

попытки колонизации Марса, дальше — долгий путь к остальным планетам Солнечной системы, и наконец — выход за ее пределы громоздких кораблей колонистов. Набиралось много желающих покинуть перенаселенную планету — или нежелающих, кого просто выкидывали. В двадцать втором веке это был самый популярный приговор для людей, совершивших тяжкие преступления: высылка за пределы обитаемого мира как альтернатива тюремному заключению. Вся история человечества — возвращение к пройденному, к хорошо забытому старому.

Двадцать второй и двадцать третий века были временем упадка, смуты. Войны стран и корпораций, истощение ресурсов, голод, вырождение, болезни; неугодных и отчаявшихся продолжали выкидывать за пределы Земли на неуправляемых кораблях. К тому моменту был открыт гиперпрыжок — перемещение на огромное расстояние, сопряженное с проколом пространства. Недостаток этого способа путешествия — невозможность спрогнозировать точку выхода. Но я не математик и не космофизик, поэтому никогда не разбиралась в причинах и следствиях этого процесса.

А в 2324 году произошло событие, перевернувшее мир и историю. В одном небольшом городке на территории восточносибирской пустыни, образовавшейся на месте когда-то безбрежных лесов, при неустановленных обстоятельствах объявился первый Одержимый. Точнее, сейчас тот год официально считается датой его появления, а тогда об этом никто не узнал.

Случайность — или, пожалуй, сам Бог решил дать человечеству еще один шанс. Тот, первый, оказался человеком высоких моральных качеств и, главное, очень умным и осторожным. Кажется, это был историк; но его собственное имя история не сохранила.

Именно из того городка, не имевшего даже названия, только номер, началось становление нового мира. Именно Одержимые, количество которых со временем росло, занялись его постройкой. Медленно, осторожно, методично и с большим трудом.

Долгие два века ушли на то, чтобы маленький городок стал столицей нового мира, новой Земли. Империи. Сначала — Российской, потом — Земной. Только абсолютная власть, только монарх — и поддержка Одержимых с их странными способностями.

Сами они, кстати, всегда по непонятной причине сторонились власти, довольствуясь ролью стражей при троне Императора.

Именно благодаря Одержимым, а точнее, той единственной их способности, проявление которой я видела, стало возможным покорение человеком дальнего космоса. Одержимые способны находить дороги-между-мирами и прокладывать пути к любым звездам. Верхом на странных существах, призванных из неведомых миров, которых вслед старой сказке называют «невиданными зверями», или «незами», Одержимые за секунды преодолевают световые года и попадают именно в ту точку пространства, в которую стремятся.

Благодаря им были размещены маяки, позволяющие кораблям через гиперпространство попадать в нужные точки. Именно благодаря им были построены новые колонии, и в конечном итоге именно благодаря им Земля сейчас — голубая и зеленая, какой была когда-то, а не серо-коричневая, какой стала в двадцать третьем веке.

Правда, в процессе космической экспансии выяснилось, что далеко не все колонисты погибли, многим повезло спастись и выжить, и землян в этих отдаленных уголках встретили, мягко говоря, не слишком радостно.

А потом произошли и первые контакты с иными формами жизни, зачастую не имеющими с людьми ничего общего.

Семнадцать лет назад Земная Империя отметила свое трехсотлетие, и сейчас она по праву считается сильнейшим человеческим государством. Всякое было в ее истории: восстания желающих автономии колоний, войны с Иными. Но Империя продолжает жить, а ее опорой по-прежнему служат Одержимые — и поколения тех, кто был воспитан в лучших традициях благородства и преданности стране. Наверное, слишком красивые и громкие слова, но... по-моему, нынешний вид Земли и ее колоний — лучшее их подтверждение.

Сидевший сейчас передо мной Одержимый производил давящее впечатление. Не только пристальным и тяжелым, как у пистолетного дула, взглядом черных глаз, почти лишенных белков, но и рублеными чертами лица, выдающими человека не просто волевого — жесткого до жестокости и полного безразличия. А еще он, кажется, отличался высоким ростом и очень крепким телосложением. Даже в такой позе он умудрялся глядеть на нас свысока.

Никакого сходства с тем юношей-Одержимым, которого я видела однажды, если не считать глаз.

За общением Аристов с собакой Одержимый наблюдал со странным выражением лица — кажется, пытался сдержать брезгливую гримасу.

— Сергей Сергеевич, я поняла ваш коварный замысел. Вы специально выдернули меня с прогулки, чтобы пообщаться с Македой! — с улыбкой проговорила я, пытаюсь привлечь внимание начальника.

— Ох, Веточка, каюсь, грешен! — звучно рассмеялся он, выпрямляясь.

Аристов — старый сердцеед и дамский угодник со стажем. Чему немало способствует его внешность: в свои без малого семьдесят он выглядит великолепно — статный, подтянутый, энергичный, улыбчивый. Даже каштановая шевелюра находится в идеальном состоянии и только на висках припорошена сединой. В такие моменты, как сегодня, мне казалось, что начальник моложе меня, хотя на деле он старше почти в два раза.

— А веточка березовая или дубовая? — подал голос Одержимый, окидывая меня взглядом. Голос был низкий и звучный, взгляд — оценивающий и холодный, а в интонациях звучала насмешка.

— Ах да, знакомьтесь, — пытаюсь сгладить неловкость, опомнился хозяин кабинета. — Вета Аркадьевна Чалова, особый дипломат Департамента, надворный советник Его Величества. Гвардии ротмистр Игорь Владимирович Ветров.

— Вот это — особый дипломат? — Одержимый с циничной усмешкой окинул меня презрительным взглядом. — Это эфемерное создание хоть дорожку-то выдержит?

— Я бы порекомендовала вам беспокоиться о собственном здоровье, — спокойно проговорила я в ответ, задумчиво разглядывая ротмистра. Если это — весь состав нашей делегации, то... переговоры будут сложными. Утешало только одно: мы с ним находились фактически в одном звании, и это не давало ему права командовать. — С прогрессирующим артритом, должно быть, трудно держаться в седле. Или подняться с кресла вам мешает подагра?

— Я бы продемонстрировал тебе собственное здоровье, да только скелетами не интересуюсь, — фыркнул он, не меняя позы.

— Стало быть, мне невероятно повезло, — медленно кивнула я.

Да, это будут очень сложные переговоры!

— Игорь! — возмутился Аристов. — Прекратите немедленно, или я буду вынужден вызвать вас за оскорбление дамы!

— Не стоит, Сергей Сергеевич, — мягко улыбнувшись, я качнула головой. — Думаю,

будет лучше, если я сама его вызову, на рапирах, и не до первой крови, а до смерти, — добавила ровным тоном с тем же выражением лица, с намеком разглаживая пальцами правой руки перчатку на левой.

— А ты не переоцениваешь свои силы? — усмехнулся Одержимый.

— О, ни в коей мере, — ободряюще улыбнулась. — Но я также оцениваю степень собственной нужности этой стране и Государю Императору. Вы, разумеется, убьете меня, и довольно быстро — я весьма посредственный фехтовальщик, — но расплата за это будет... болезненной. И одержимость вас не спасет. Видите ли, сударь, Одержимых в Империи несколько тысяч. А таких, как я, всего трое.

— Угрожаешь? — усмешка стала похожа на оскал.

— Вы всерьез полагаете, что при наших весовых категориях я могу вам чем-то угрожать? — я вскинула брови в жесте вежливого недоумения.

— Значит, блефуешь! — удовлетворенно кивнул он, щурясь.

— Желаете проверить? — скучающим тоном уточнила я. — Тогда, полагаю, господин действительный статский советник одолжит мне свое оружие, чтобы не откладывать это мероприятие.

Дуэль взглядов длилась несколько секунд, а потом Ветров рассмеялся — раскатисто, искренне. Смех у него был неприятный, но зато подходящий остальной наружности: резкий, хриплый и каркающий. Таким Кощей из древних сказок, должно быть, смеялся. Или, скорее, Змей Горыныч.

— Ива! — вдруг, резко оборвав смех, заявил мужчина, продолжая весело ухмыляться.

— Простите? — одновременно уточнили мы с хозяином кабинета.

— Ветка ивовая, ивовый прут. Из которых в старину розги делали, — охотно пояснил он. — Ладно, Аристов, теперь верю, что эта твоя Веточка хоть на что-то годится, — насмешливо фыркнул он.

— Скажите, Ваше превосходительство, это весь состав делегации? — уточнила я, опускаясь в кресло. Македа тут же покинула хозяина кабинета и поспешила улечься у моих ног, расположившись между мной и Одержимым, мордой к нему. Кажется, Ее Величеству этот человек тоже не понравился. По-моему, отличный показатель и совершенно исчерпывающая характеристика.

— Да, Вета Аркадьевна, — с сожалением проводив собаку взглядом, Аристов тоже присел, настраиваясь на рабочий лад. — Вы уже успели ознакомиться с материалами?

— Увы, я только вчера начала это знакомство.

— В таком случае не буду вдаваться в подробности, но большая делегация в свете поставленных смелых целей — огромный риск, — вздохнул начальник. — В случае опасности Игорь Владимирович, надо надеяться, успеет эвакуировать вас оттуда, а при большем количестве представителей это будет сложнее.

— И за какие заслуги эта миссия была доверена именно господину Ветрову? — не удержавшись от легкой иронии, уточнила я.

— А ты, стало быть... — тут же вскинулся упомянутый, но новый виток обмена любезностями был прерван хозяином кабинета.

— Ветров! — рявкнул он, уже всерьез раздражаясь. — Еще слово, и я буду вынужден доложить вашему командиру!

Гвардии ротмистр скривил недовольную физиономию, но промолчал, а Аристов тем временем продолжил извиняющимся тоном:

— Простите, Вета Аркадьевна, но на обеспечении вашей безопасности настаивали Их Императорское Высочество Владимир Алексеевич лично, и кандидатуру утверждали они же, — развел руками начальник. — А господин гвардии ротмистр — лучший из лучших.

— А великий князь лично знакомы с этой кандидатурой? — вздохнула я.

— Не думаю, но профессиональные качества господина Ветрова...

— Сергей Сергеевич, — перебила я его. — В профессиональных качествах господина Ветрова я не сомневаюсь, иначе при своем характере он бы не дослужился до чина ротмистра. Меня даже его отсутствующее воспитание не так волнует, как несдержанность и неспособность держать язык за зубами. Если он будет вести себя подобным образом в полевых условиях, мы можем не то что не рассчитывать на положительный итог переговоров, а вовсе не пытаться их начинать.

— Вета Аркадьевна, старшей в этой поездке назначены именно вы, и я не думаю, что будут проблемы, — уверенно проговорил Аристов. Хотя особенно убежденным в собственных словах он не выглядел.

— Боюсь, это ничего не изменит, — мягко качнула головой я, скользнув задумчивым взглядом по лицу Одержимого. Не нужно было обладать специальными навыками и умениями, чтобы понять: мужчина в бешенстве и сдерживается буквально чудом. — Или даже ухудшит положение.

— Какого дьявола эта девчонка будет мной командовать?! — прорычал, наконец не выдержав, Ветров, а я только вздохнула и выразительно посмотрела на собственного начальника.

— Молчать, — тихо скомандовал Аристов.

В обычно веселом мягком голосе Сергея Сергеевича отчетливо звякнула сталь. Одержимый, не ожидавший подобного перехода, хмуро уставился на начальника корпуса. Македа подняла морду, вопросительно поглядела на хозяина кабинета и в знак утешения и солидарности приветливо махнула хвостом. А я едва удержалась от того, чтобы улыбнуться и блаженно сощуриться — мне всегда безумно нравилась вот эта способность начальника резко и внезапно переключаться на совершенно другой стиль поведения. А переход от рассеянного добряка к жесткому командиру всегда получался особенно эффектным.

— Эта девчонка будет тобой командовать, — продолжил тем временем Артист, сверля офицера пристальным взглядом. — Потому что ты, щенок, умеешь только две вещи — убивать и управлять незами, а Чалова — все остальное. Ты простой извозчик и охранник, Вета Аркадьевна — специалист высочайшего класса. Это ее задание, и именно она будет говорить тебе, что и как делать, и, если по твоей вине что-то сорвется, я советую тебе застрелиться самостоятельно. Все понятно? Я спрашиваю, все понятно?

— Все, — сквозь зубы процедил Ветров, бешено сверкнув глазами. А я, наблюдая за ним, рассеянно качнула головой в ответ на свои мысли.

Я знала эту породу людей. Упрямые как черти, они были готовы лбом пробить стену, но не смириться с необходимостью поиска обходного пути. «Я всегда прав». Проще умереть, чем признать свою ошибку или, хуже того, слабость. Азартны, болезненно честолюбивы, вспыльчивы и... упрямы. У данного конкретного мужчины подобный склад характера отягчался еще и богатым жизненным опытом и одержимостью.

Нет, даже с ним можно было наладить контакт без давления, к которому сейчас прибег Аристов. Проблема только во времени: через две недели мы должны были отправляться, а на достижение взаимопонимания мог потребоваться куда больший срок. У Сергея Сергеевича

времени не было вовсе, и это оправдывало столь жесткий подход. Вот только взгляд Одержимого мне очень не понравился: вряд ли подобный человек способен легко стерпеть такой удар по самолюбию.

— Это будут очень, очень трудные переговоры.

— С настоящего момента и до окончания дипломатической миссии ты поступаешь в полное распоряжение Веты Аркадьевны, — добил его Сергей Сергеевич и, дождавшись утвердительного кивка, перевел уже значительно потеплевший взгляд на меня. — Веточка, я полностью полагаюсь на ваше понимание ситуации и, к сожалению, к имеющимся сведениям добавить ничего не могу.

— Ваше превосходительство, бог с ними, с подробностями, с этим я действительно разберусь сама. Но вот цель миссии мне не вполне понятна; что от меня требуется?

— Договориться, — вздохнул Аристов. — Конечно, было бы идеально, если бы вы сумели расположить их к длительному мирному контакту, но это перспектива. Сейчас для нас главное — разрешение разместить на их территории гиперпрыжковый ориентир. Это бы на порядок упростило навигацию в том секторе пространства и, кроме того, позволило бы упрочить наше положение. Господин Ветров обеспечит нам бесперебойную связь, и, если возникнут какие-то вопросы или подвижки, — сообщайте немедленно. Данный проект курируют опять же лично Их Императорское Высочество, и для них это дело чести, вы же понимаете?

Я медленно кивнула: понимаю.

Цесаревич был молод, ему не было еще двадцати лет, и со свойственной юности горячностью он стремился к идеалу, мечтал совершить что-то, никем прежде не свершенное. Надо думать, он очень волновался за исход этой операции. И за меня тоже волновался — великий князь был очень благородным и добрым юношей.

— Полагаю, это все, и я могу вернуться к работе? — уточнила я.

— Да, разумеется, можете идти. Удачи не желаю; верю, что вы справитесь сами, как, впрочем, и обычно.

На этом мы распрощались, и я в сопровождении Одержимого и недовольно косящейся на него Царицы покинула кабинет высокого начальства.

Ветров оказался действительно очень высоким мужчиной, выше меня на голову; наверное, чуть меньше двух метров ростом. Высоким, сильным, с резкими порывистыми движениями, широкой размашистой походкой и безукоризненной военной выправкой. Стоя он предсказуемо производил еще более давящее впечатление.

— Вы решили проводить меня до стоянки? — озадаченно уточнила я, потому что Одержимый упрямо держался рядом, хотя мой неторопливый шаг явно был ему не по нраву.

— Ну, я же поступил в ваше распоряжение, *Вета Аркадьевна*, — с непередаваемой интонацией процедил он в ответ. Искоса глянув на спутника, я не удержалась от тяжелого вздоха и изменила конечную цель маршрута. Наживать врага в лице единственного сопровождающего совершенно не хотелось, поэтому стоило хотя бы попытаться разобраться во всем сразу, по горячим следам. Очень не хотелось тратить на это время и силы, но...

Вот почему лучший из лучших Одержимый не мог иметь более мягкого характера?

Впрочем, что это я. Вряд ли бы он тогда стал «лучшим из лучших». Да и биография наверняка не способствовала смягчению и появлению таких качеств, как терпение и покладистость; кстати, стоило вечером с ней ознакомиться, чтобы избежать сюрпризов. На вид ему было около тридцати пяти, но по Одержимым всегда довольно сложно судить о

возрасте. А если верить чутью, я была готова поклясться, что последнюю войну мой спутник прошел целиком. Да и после этого вряд ли подвизался при штабе. Погоны свои он наверняка заслужил собственной кровью, а у таких людей презрение к «штабным», к которым легко можно было отнести и меня, зачастую записано на подкорке.

Глава вторая. Подготовительный этап

Танцы — это искусство отдергивать свою ногу раньше, чем на нее наступит партнер.

NN

Скоростной лифт спустил нас на несколько этажей. Ветров озадаченно хмурился, косясь по сторонам, — похоже, в здании Департамента он прежде не бывал, — но молчал. Встречные здоровались со мной, провожали Царицу улыбками, а Одержимого — любопытными взглядами, и мужчине роль медведя на веревочке явно не добавляла настроения. Впрочем, путь закончился довольно быстро — в одном из небольших кафе. Выбор мой пал именно на это заведение просто потому, что оно было достаточно высокого уровня и здесь имелись отдельные кабинеты, а мне хотелось побеседовать в спокойной обстановке без лишних глаз.

Когда распорядитель зала, и слова не сказав при виде собаки, вежливо проводил нас в небольшую уютную комнатку с круглым столом в объятьях удобного дивана, Ветров начал коситься на меня озадаченно. Но, что и требовалось, ощутило расслабился; непривычная обстановка и незнакомые лица, от которых неизвестно, что ждать, его явно настораживали, а сейчас... в самом деле, какая угроза может исходить от сублильного вида особы, да еще женщины? Тут впору было напрягаться мне, а не ему.

Я взяла крепкий черный кофе, мужчина — крепкий черный чай. Заказ ждали молча, а когда дверь за официантом закрылась, я нарушила тишину.

— Игорь Владимирович, наше знакомство сложилось не лучшим образом, а мне бы не хотелось начинать совместную работу с конфликта, — мягко проговорила я.

— Романтический ужин, конечно, лучше, — ухмыльнулся он, с насмешливым видом озирая уютную комнату. Честно говоря, обстановка располагала именно к романтике; мягкая музыка, приглушенный свет, теплые темные оттенки в оформлении. Кажется, распорядитель не вполне правильно понял мое желание поговорить с мужчиной наедине, но спорить и что-то менять уже не хотелось.

— Что угодно лучше скандала, — я слегка пожала плечами, решив не заострять внимания на подобной мелочи. — Сергей Сергеевич был слишком... резок в формулировках, и это, как я вижу, тоже не способствовало взаимопониманию.

— Я похож на кисейную барышню? Говорите прямо, что хотели, хватит этих реверансов, — процедил Ветров. Я хотела сказать, что больше всего он сейчас походил на кактус, но воздержалась.

— Хорошо. По меньшей мере месяц нам предстоит общаться, и не меньше двух недель — очень плотно, причем во враждебной или, лучше сказать, недружелюбной среде, и конфронтация еще и с вами мне совершенно не нужна. Поэтому я предлагаю хотя бы попытаться найти общий язык.

— Начинаешь исполнять обязанности? — ершисто фыркнул он. — Ключик подбирать? Не трудись, я знаю, что такое субординация.

— Игорь Владимирович, я понимаю, вам трудно подчиняться гражданскому лицу, да еще женщине, но прежде чем принимать какие-то решения и злиться на меня, поищите

информацию по контактам людей с видом, который по реестрам проходит как вары. Их еще плащами называют. Или палачами.

На последнем слове мужчина ощутило переменялся в лице, и я едва сдержалась, чтобы не отшатнуться: уж очень концентрированной яростью от него полыхнуло, даже будто стало труднее дышать. Лежавшая на полу Македа вскинула морду, скаля клыки в беззвучном рыке и нервно дыбя холку. Я ласково почесала собаку за ухом, уговаривая успокоиться. Ей-то, в отличие от меня, прежде с подобными типами встречаться не доводилось.

— Мы летим к ним?! — переспросил он.

— Вам не сказали... — скорее утвердительно, чем вопросительно пробормотала я, а Одержимый скривился и, справляясь с эмоциями, ответил:

— Мне велели прибыть в Департамент иностранных дел для получения инструкций о сопровождении дипломатической миссии и на это время перейти под его юрисдикцию. Все.

— Насколько я понимаю, вы... имели определенный опыт контакта с этим видом?

— Не лично, — нехотя подтвердил он.

Мне стало не по себе; я догадывалась, что могло скрываться за этой расплывчатой фразой. Судя по реакции, нечто очень нехорошее. Вероятнее всего, чья-то смерть.

Многие встречи с варами (их название произошло от фамилий трех капитанов, первыми наткнувшихся на корабль незнакомого прежде вида: Васин, Амелин и Рогачев) заканчивались для людей плачевно, особенно поначалу. Пока не было попыток контакта, вары вели себя спокойно, на территории чужих звездных систем не происходило никаких конфронтаций. Далеко не сразу выяснилось, что они нормально воспринимают звуковые сигналы и так же, как мы, используют их для связи. На плотный контакт они при таком общении не шли, но по крайней мере не нападали, проявляя удивительное миролюбие.

Аналитики долго ломали головы, но в конце концов пришли к выводу, что варов раздражал внешний вид людей, даром что они сами были гуманоидами, да и в остальном у нас было очень много общего. Может, именно это и раздражало. А может, тут была какая-то исключительно культурная проблема, потому что сами вары всегда носили глухие плащи, скрывающие их от макушек до пят (за которые, собственно, и получили оба своих прозвища).

Все внешние манипуляции эти существа совершали при помощи направленного гравитонного воздействия, которое в народе, опять же по аналогии со старыми сказками, называли телекинезом. На этом же принципе работало их оружие, и люди пока не могли ничего ему противопоставить. Наше умение использовать гравитонные поля находилось в начальной стадии развития, а вары легко могли смещать с орбит планеты. Понятно, что воевать с такими существами человечеству очень не хотелось. Но, на наше счастье, вары вообще ни с кем не воевали, а спокойно жили в своем изолированном обществе, почти не контактируя с чужими видами.

Ряд экспериментов показал, что люди в аналогичных их собственным одежаниях никакой агрессии у варов не вызывают, и это вселило определенный оптимизм. Но на этом прогресс остановился. Вары разговаривали с людьми, допустили делегацию на одну из своих планет, охотно разбирались в нашем языке и помогали нам разобраться в своем, демонстрировали тактичность, не обращая внимания даже на грубые ошибки, и... все. Дальше этого контакт не шел принципиально. Они не торговали, не вели переговоров, не соглашались ни на какие союзы и ни на какие договоры; не только с людьми, вообще ни с кем. Мой предшественник, высококлассный специалист, проторчал среди них больше года, но не добился ровным счетом ничего. Вары были вежливы, терпеливы и чужды. Они продемонстрировали полное

понимание наших стремлений и предложений, но ни на что не соглашались, неизменно отмахиваясь одной фразой — «это не тема для разговора». Очевидно было, что мы чего-то не понимали в их общественном устройстве и культуре (честно говоря, в этих вопросах мы вообще ничего не понимали — это тоже была «не тема для разговора»), но и год подробного анализа всех имеющихся материалов после экспедиции ничего не прояснил.

Хотя прежде этот контакт не считался необходимым, теперь, очевидно, раз туда отправляют меня, приоритеты изменились.

— И опыт этот был резко отрицательным, да? — на всякий случай уточнила я.

— А что, есть варианты? — саркастично протянул он.

— Есть, — спокойно кивнула я. — И много. Вы в достаточной степени себя контролируете, чтобы не проявлять по отношению к ним агрессии? В противном случае...

— Да не буду я на твоих плащях кидаться, — перебил меня мужчина. — И что, хочешь сказать, ты одна сумеешь разобраться там, где спасовала толпа народу до тебя? — нахмурился Ветров, кажется, забывая про свою подчеркнута язвительную вежливость.

— Я как минимум попробую. Понимаете, Игорь Владимирович, это...

— Да прекрати ты меня по отчеству называть, — скривился Ветров. — И «выкаты» тоже. Раздражает. Если нам вдвоем у палачей в гнезде куковать, я тебя на второй день придушу. У тебя это получается таким тоном, будто ты училка младших классов, отчитывающая хулигана.

Я на мгновение запнулась, растерянно разглядывая мужчину и пытаюсь понять, серьезно он сейчас или издевается. Выглядел серьезным.

— Я знаю вас меньше часа и, боюсь, не настолько хорошо, чтобы переходить к фамильярному тону, — как могла мягко возразила я. О том, что предпочла бы вовсе не знать и не желала сводить более близкое знакомство, решила умолчать, дабы избежать очередного конфликта.

— То есть тот факт, что я к нему перешел, тебя никак не стимулирует? — он насмешливо вскинул брови.

— Это ваш личный выбор, не имеющий ко мне никакого отношения, — я слегка пожала плечами. Личный выбор и полное отсутствие воспитания, но договаривать я опять-таки не стала.

— Ну так давай познакомимся поближе, — однобоко усмехнулся мужчина. Было в этой гримасе многообещающее мрачное предвкушение, вновь придавшее ему сходство с каким-то сказочным злодеем.

— Благодарю, но вынуждена отказаться.

— Все равно ведь придется, — ухмылка стала уже откровенно глумливой, а мне вдруг стало интересно: он вообще умеет просто улыбаться, а не строить рожи?

— Посмотрим, — обтекаемо отозвалась я. — Предлагаю пока вернуться к началу разговора. Я могу рассчитывать на вашу лояльность во время этой миссии?

— Посмотрим, — передразнил он с очередной ехидной гримасой. — Это все, что ты хотела сказать?

— Пока что — да. Думаю, через некоторое время, когда я закончу с изучением материалов, нам с вами надо будет еще раз пообщаться и согласовать стратегию поведения, а до тех пор... даже не знаю, что вам предложить. Наверное, можно немного отдохнуть?

Он поморщился с непонятным выражением лица, но кивнул и протянул руку к моему виску.

— Дай я твои контакты на всякий случай запишу, — неохотно пояснил, когда я отстранилась, озадаченно косясь на повисшую в воздухе ладонь. Мысль была здравая, пришлось скрепя сердце вернуться в прежнее положение и отразить жест мужчины. Способ получить для связи номер нейрочипа нужного человека был всего один: через вот такой личный контакт. Не обязательно с самим носителем, можно было передавать через третьи руки, но только при физическом контакте и, главное, с разрешения владельца.

Я, аккуратно коснувшись головы мужчины кончиками пальцев, быстро считала нужную информацию и убрала руку, а вот он отчего-то медлил. Прикрыв глаза, обхватив ладонью мое лицо и медленно поглаживая большим пальцем висок, Ветров сосредоточенно хмурился, как будто не выполнял простую и знакомую каждому с детства процедуру, а делал что-то... совсем другое. Ладонь его была шершавая, грубая и казалась почти обжигающе горячей. Само по себе это прикосновение не раздражало, но стоило вспомнить, кто передо мной, — и сразу стало не по себе. О силах и способностях Одержимых ходило много слухов, и большинство из них — довольно жуткие. Правда, самостоятельно прерывать этот контакт я не рискнула — мало ли? К тому же ничего, кроме ощущения прикосновения мужской ладони, я не чувствовала.

Начать всерьез беспокоиться я не успела: Ветров резко распахнул глаза, пару раз моргнув, фокусируя взгляд, и медленно, как будто с неохотой, убрал руку.

— Что это было? — озадаченно нахмурилась я, в очередной раз молча поражаясь, насколько страшный у Одержимых взгляд. Как будто смотришь в глаза не живому существу, а самой смерти.

— Работать начинаю, — огрызнулся он с таким видом, как будто вопрос я этот задавала уже неоднократно. — Это все?

— Пока — да, — я медленно кивнула. Настроение собеседника изменилось вдруг и очень резко. И хотя между раздраженной язвительностью и нелюдимиой раздражительностью особой разницы не было, перемену я ощутила очень отчетливо.

Вместо ответа мужчина молча коснулся платежного терминала на краю столешницы, рывком встал и вышел из-за стола. И одновременно с собачьим взвизгом, перешедшим в короткий рык, грязно выругался, шарахнувшись назад и едва не опрокинув стол. Македа, которой забывшийся офицер наступил на лапу, отпрянула в другую сторону; сначала дернулась к двери, но та оказалась закрыта, и собаке пришлось прижаться к торцу дивана рядом со мной. Ветров проводил ее взглядом с таким выражением лица, будто хотел по меньшей мере свернуть шею, но промолчал и двинулся по ранее намеченному пути. Правда, в дверном проеме замер и обернулся.

— Ты есть не пробовала? — мрачно уточнил он.

— Простите? — подозреваю, выражение лица в этот момент у меня было весьма дурацким. — В каком смысле?

— В прямом. Есть. Еду. Как нормальные люди иногда делают. Попробуй, говорят, это помогает, — все с тем же недовольным видом сообщил Ветров и вышел не прощаясь. А я еще несколько секунд молча разглядывала запертую дверь, пытаюсь понять, что это было.

Разобраться, какие логические или ассоциативные цепочки привели ротмистра к этому вопросу именно сейчас, я не сумела. Да и вообще было непонятно, какое ему дело до моего питания, если только он не умудрился включить этот вопрос в обеспечение моей безопасности.

— Помогает в чем? — в конце концов поинтересовалась я не то у пустой комнаты, не то

у обиженной Царицы Савской. — Знаете, Ваше Величество, мне кажется, найти общий язык с варами будет не так уж сложно. Смотри с чем сравнивать, — добавила с сокрушенным вздохом, почесывая собачью голову. — Как ваша лапа?

Как оказалось, травм удалось избежать, пострадало только царское самолюбие, и вскоре Македа вновь вытянулась на полу у моих ног. А я неожиданно для самой себя дополнила заказ плотным обедом. Впрочем, нет, не дополнила; оказывается, прежний счет офицер, уходя, оплатил.

Близко общаться с Одержимыми мне прежде не приходилось. Единственный раз только довелось путешествовать в сопровождении одного из них, но я была не одна и ни словом, кроме «здравствуйте — до свиданья», мы за весь путь не обменялись. Но все равно создавалось впечатление, что по Ветрову судить обо всех не стоит; он с первого взгляда казался злым и нелюдимым, а тот юноша отличался сдержанностью и отменным воспитанием.

В общем, так и эдак обдумывая поведение второго и последнего участника дипломатической миссии, я пришла к выводу, что одержимость здесь может быть только дополнительным влияющим фактором, но не первопричиной такого странного поведения и скверного характера ротмистра. Поэтому, не отвлекаясь от обеда, я при помощи все того же нейрочипа отправила запрос на личное дело этого мужчины. Вряд ли мне выдадут всю информацию, но хоть какую-то часть! В конце концов, я имела полное право знать, кому доверяю свою жизнь.

После обеда наемный автоматический аэрокар доставил меня и Македу к тому же парку, откуда почти три часа назад забрал нас Обручев. На территорию самого парка влет личного и общественного транспорта был закрыт или, вернее, строго не рекомендовался, а автоматика рекомендациям следовала слепо.

Еще около часа побродив под сенью лип и кленов, я направилась к дому. Настроения к размеренному неторопливому движению по усыпанным листвой дорожкам уже не было, но собака не виновата, что у ее хозяйки возникли срочные дела, а прогулка была ей жизненно необходима.

Когда я вернулась, Матвея Сергеевича дома не было, зато на столе в кабинете дождался закрытый контейнер для транспортировки носителей информации, помеченный черной полосой — «для служебного пользования». Приняв душ и переодевшись в домашнее, я вернулась на рабочее место и для начала «разбудила» домашний компьютер. Помимо энцефалографа, предназначенного для непосредственного контакта с прибором и записи информации сразу в мозг, существовали и другие способы «общения». Например, можно было читать тексты с плоского экрана, просматривать голографические записи. А еще были нейроконтакты, позволявшие имитировать зрительное и слуховое восприятие информации и почти не оказывавшие негативного воздействия. Энцефалограф был незаменим в работе, требующей в кратчайший срок усвоить огромный объем информации; когда такой необходимости не было, можно было обойтись менее тесным контактом с электроникой. Например, в быту, для развлечения. Сейчас я решила воспользоваться именно «общегражданским» способом: сомневаюсь, что сведений будет много, а энцефалографом я и так злоупотребляю.

— Ну что, Македа, посмотрим, кто оттоптал ваши лапы? — иронично уточнила я у собаки, аккуратно вскрывая контейнер. Степеней защиты было много, а при попытке взлома любой из них содержимое без лишних спецэффектов и шума уничтожалось, так что в

процессе стоило быть внимательной.

В специально для того предусмотренное гнездо я вставляла клык с определенным предвкушением. Как оказалось, не зря. Интересное началось уже с первой строчки, с даты рождения. Оказалось, Ветров не просто не мой ровесник, каким выглядел; он был не намного моложе Аристова, весной ему исполнился пятьдесят один год. Собственно, уже одно это представляло собой пищу для размышления. И означало, что гвардии ротмистр не просто имел боевой опыт, а... наверное, действительно мог быть «лучшим из лучших». Приведенный в конце досье длинный список наград, куда я заглянула из чистого любопытства почти сразу, заставил меня уважительно хмыкнуть и озадаченно вскинуть брови. Кажется, даже у отца «иконостас» был скромнее.

А вот тот факт, что при подобном послужном списке Ветров добрался только до чина ротмистра, а не сидел где-нибудь во главе Военного департамента, исчерпывающе описывал его характер. Непримируемый вздорный нрав он, похоже, демонстрировал всем без разбора, а не только мне. Но, с другой стороны, получалось, что великий князь не мог не быть лично знаком с этим Одержимым, сознательно доверил эту миссию ему, а значит, доверял? Поверить в то, что совершенно не признающий авторитетов Ветров мог с кем-то вести себя иначе, будь то хоть сам Государь Император, было сложно. Как и поверить в то, что цесаревич мог сознательно восхищаться подобным маргинальным типом.

Отложив размышления об этом парадоксе на потом, я вернулась в начало досье. И чем больше читала, тем отчетливей понимала, что с ротмистром будет сложно, очень сложно: сложной была вся его жизнь с самого начала.

Ветров был Одержимым с рождения. Такое происходило нечасто, но слышать о подобных случаях мне доводилось. А также доводилось слышать, что таким детям было очень сложно адаптироваться в обществе. Прочерк в графе «родители» и специализированный интернат для детей с психологическими проблемами в качестве места жительства в первые годы жизни в этой связи почти не удивил: они явно отказались от проблемного ребенка, напуганные окутывающими Одержимых слухами и, может быть, его взглядом.

Дальше все было более-менее предсказуемо. Кадетский корпус, кавалерийское училище — высшее военное учебное заведение для Одержимых, благодаря незаму, составившим, собственно, кавалерию. А вся дальнейшая жизнь Ветрова состояла из службы, где из досье были вымараны не то что отдельные эпизоды — целые года, озаменованные огромным количеством наград и взысканий. Никакой личной информации, кроме краткой характеристики, полностью отвечавшей моим собственным наблюдениям, в досье не было.

— Опять вы, барышня, на том же месте, — из задумчивости меня вывел голос заглянувшего в кабинет Савельева. — Ладно хоть погуляли! Обедать-то будете или опять одним кофе обойдетесь?

— Спасибо, Матвей Степанович, уже пообедала, — ответила я, не удержавшись от улыбки. — Честно, пообедала, хорошо и основательно. Вы мне лучше вот что скажите, — озаренная догадкой, я вывела голографическое изображение Ветрова на внешний проектор. — Вы случаем вот этого господина не знаете?

— Как же, как же, помню! — удивленно вскинув брови, Савельев подошел ближе, разглядывая Одержимого. — Как его фамилия... Ветров, кажется? Знатный вояка был, ух! Одержимые — они все не от мира сего и страха будто не ведают, а уж этот даже промеж них выделялся! А вам он зачем понадобился?

— Он будет охранять нашу дипломатическую миссию, — ответила я, не видя смысла что-то скрывать, но при этом не вдаваясь в подробности. Если Савельеву сказать, что вся миссия состоит из меня и ротмистра, он непременно начнет беспокоиться как за мою безопасность, так и за моральный облик. Не то чтобы он не понимал, что я уже достаточно взрослая самостоятельная особа, или придерживался особенно патриархальных взглядов, но вслед за отцом — или, вероятно, в память о нем — очень хотел, чтобы я устроила свое личное счастье. Поэтому любой факт, способный бросить хотя бы призрачную тень на мою репутацию, очень беспокоил старого офицера.

— Господи, да куда ж вас теперь-то отправляют? — охнул он, опускаясь в кресло и глядя на меня почти в испуге.

— Да не волнуйтесь вы так, Матвей Степанович, я уверена, все будет совершенно тихо и мирно. Почему вы так испугались? — от такой внезапной вспышки я растерялась, но поспешила успокоить старика.

— Уж больно охрана серьезная, — сокрушенно качнул головой он. — Ветров — офицер суровый, штурмовыми отрядами командовал, под началом Аркадия Андреевича, светлая ему память, воевал. Не пошлют такого на увеселительную прогулку, не договариваете вы что-то. Но, впрочем, все понимаю, служба есть служба, — развел руками он.

— Вот оно как, — вздохнула я. Собственно, чего-то подобного я и ожидала, поэтому слова Савельева откровением не стали. — Кажется, мое начальство просто решило перестраховаться, поэтому охрану доверили именно ему, — предприняла я еще одну попытку успокоить старика.

— Дай-то Бог, — глядя с подозрением, собеседник качнул головой.

— Стало быть, вы ручаетесь за него? — улыбнулась я. — И в такой компании мне можно ничего не бояться?

— Слишком легкомысленны вы, барышня. Не дело это! — припечатал он, тяжело поднимаясь из кресла. — Савка, собачья душа, пойдем обедать, — Савельев махнул рукой, и Македа, заметно оживившись, вскочила, встряхиваясь и махая хвостом. Слово «обедать» она знала и питала к нему искреннюю симпатию.

Оставшись в одиночестве, я некоторое время разглядывала медленно вращающуюся над столом голограмму с изображением Ветрова и пыталась понять, дает ли мне что-то полученная информация с практической точки зрения, или я всего лишь удовлетворила свое любопытство. По всему выходило, шансов найти с этим человеком общий язык было ничтожно мало, и все, что я могла, — оставаться с ним нейтрально-спокойной, несмотря на все вспышки и оскорбления, чтобы не усугублять. И разумно избегать некоторых вопросов, касающихся его биографии: про войну, про детство, про... Да впрочем, лучше вообще не касаться никаких личных тем.

В конце концов, в очередной раз подивившись, насколько у Одержимых тяжелый взгляд, причем даже на голограмме, я вернула информационный носитель в коробочку, опять запечатала ее и сообщила об окончании работы с досье. В принципе, ничего особенно секретного в предоставленных сведениях я не видела, Савельев и то больше рассказал, но не я придумывала инструкцию по работе с документами «для служебного пользования».

Еще некоторое время посвятив изучению уже напрямую относящихся к делу материалов, а не сопутствующих проблем, я приняла мудрое решение — отправилась спать пораньше. Для одного дня впечатлений было достаточно.

Следующее утро началось с обычного ритуала. Умылась, сменила ночную сорочку

на потертое домашнее платье, которое, по-хорошему, давно стоило заменить, но уж больно удобным оно было. Потом — кофе; варила я его всегда сама, мне нравился этот незамысловатый процесс, а, главное, нравился его запах. Не в чашке, а свежемолотого, еще до встречи с горячей водой.

Именно в кухне меня и нашел Савельев; кажется, он только-только вернулся с прогулки с Царицей. К моему искреннему удивлению, был он не один.

— Вета Аркадьевна, тут к вам... — неуверенно проговорил старик, и следом за ним в кухню шагнул человек, которого я меньше всего ожидала встретить в своем доме. — Ваше высокоблагородие, подождали бы! — окончательно растерялся он.

— Делать мне больше нечего, — скривившись, отмахнулся Ветров, с интересом разглядывая кухню и меня в ней. — Ты еще и готовить умеешь? — насмешливо хмыкнул он.

— Умею, — не вдаваясь в подробности, невозмутимо кивнула я. — Чем обязана вашему визиту?

— Я же тебя предупреждал, что придется привыкать, — опять изобразил свою излюбленную ухмылку Одержимый.

— Ваше высокоблагородие, вы совершенно... — возмущенно начал Савельев, явно намереваясь указать гостю на недопустимость его поведения.

— Отец, уймись, — слегка поморщившись, отмахнулся ротмистр, без приглашения проходя и усаживаясь к кухонному столу. Кстати, отмахнулся вполне миролюбиво и беззлобно, без особенного раздражения.

— Да как вы... — задохнувшись от возмущения, начал мой опекун.

— Матвей Степанович, все в порядке, — мягко прервала я его.

— Да как же в порядке? Как так можно?! — возмущенно всплеснул руками старый офицер.

— Матвей Степанович, дорогой, не принимайте так близко к сердцу. Я думаю, господин Ветров пришел по делу, так что вы спокойно можете оставить нас вдвоем.

Савельев не стал спорить, но уходил, что-то раздраженно ворча себе под нос про «недопустимо» и «неприлично». Спиной ощущая взгляд гостя, я тем не менее спокойно и молча закончила свое занятие и, вылив ароматный напиток в чашку, уточнила у отчего-то молчащего мужчины:

— Хотите кофе?

— И что, вот прямо сама сварить? — насмешливо поинтересовался он.

— А вы видите здесь кого-то еще? Или предлагаете ради такого дела вернуть Матвея Сергеевича? — уточнила я, аккуратно переставляя чашку на стол. Руки слегка дрожали, но при моей работе и отсутствии отдыха это было обычное явление.

— Не люблю кофе, но от такого предложения не откажусь, — с усмешкой сообщил мужчина, продолжая пристально меня разглядывать.

— Вы так и не ответили, какая надобность привела вас ко мне в столь ранний час, — через плечо уточнила я, возвращаясь к турке. — Вам сладкий или нет?

— Сладкий, две ложки, — отозвался он. — Я же сказал, привыкать, — хмыкнул он и продолжил неожиданно спокойно. Кажется, сегодня Ветров был удивительно благодушен; интересно, надолго ли? — Посторонних тяжело водить по дорогам-между-мирами, а уж тем более — если придется спешно драпать.

— Не думаю, что возникнет такая необходимость, — осторожно предположила я, но мужчина оставил реплику без внимания.

Беседовать через плечо было неудобно, поэтому я не стала пока настаивать на продолжении разговора, сосредоточившись на приготовлении напитка и вновь наслаждаясь любимым запахом. Вылив новую порцию кофе в чашку, я аккуратно обеими руками взялась за блюдце — и в следующее мгновение едва не подпрыгнула от неожиданности, потому что внезапно возникший за моей спиной гость (о молчаливом присутствии которого я, признаться, успела подзабыть) одной рукой ловко подхватил чашку, а второй аккуратно поймал мое запястье, на мгновение почти заключив меня в объятия.

— Что вы себе позволяете?! — вырвав у него свою руку, я резко развернулась на месте, мрачно глядя на мужчину снизу вверх. Отстранилась бы, только отступить было некуда: сзади тумбочка, а все остальное пространство вокруг занимал Ветров. Не прикасался, но стоял недопустимо близко.

— А что, лучше позволить тебе опрокинуть кофе на себя? — насмешливо вскинув брови, уточнил он, не спеша возвращаться на свое место.

— Отлично, вы спасли нас обоих. Теперь, может быть, присядете? — хмуро уточнила я. Удержаться от раздражения в голосе не получилось: нависающий Одержимый нервировал.

В нашем обществе личное пространство имеет весьма важное значение, и вторжение в него посторонних воспринимается в штыки. Но это у нас, а, скажем, у уроженцев Сайтара прикосновения — неотъемлемая часть любого разговора. Прежде мне приходилось много общаться с этими очень похожими на людей гуманоидами, более того, именно я в свое время вела с ними переговоры, и никаких трудностей подобное общение не вызывало. А сейчас... никак не получалось абстрагироваться от личности стоящего рядом человека и неприемлемости его поведения.

И ведь мы всего второй день знакомы! Что же такими темпами будет дальше? И, главное, совершенно непонятно, чего он пытается добиться подобным поведением? Спровоцировать меня на скандал, вывести из себя? Зачем?! Просто потому, что его раздражает мое спокойствие и сдержанность?

— Только после вас, — ухмыльнулся он, с легким вежливым поклоном отступая в сторону. Все бы ничего, вот только при подобной близости дыхание мужчины пощекотало мое ухо и тронуло свободно рассыпающиеся по плечам пряди волос. Очень захотелось высказать все, что думаю о его поведении, но я сдержалась. Даже сумела отступить с достоинством, без поспешности, и удержать на лице маску вежливого спокойствия.

— Это единственная цель вашего визита? — уточнила я, присаживаясь к столу и ставя на него пустое блюдце. Ветров остался стоять возле варочной поверхности с чашкой в руках. Изящная фарфоровая вещица в широкой ладони офицера казалась особенно хрупкой.

— А тебе мало? — ухмыльнулся он. Не дождавшись от меня никакого ответа, кроме выжидающего взгляда, вдруг продолжил: — Представь себе, не единственная. — Подойдя к столу и опустив чашку на блюдце — фарфор даже не звякнул, — извлек из-за пазухи пару тонких конвертов. Бросив на них взгляд, один протянул мне, а второй убрал обратно. — Решил вот исполнить обязанности гонца, все равно сюда собирался.

Обнаружив на надписанном моим именем конверте императорскую печать, я бросила еще один озадаченный взгляд на присевшего Ветрова, но пакет вскрыла. Внутри обнаружилось приглашение на назначенный через десять дней прием у великого князя. Похоже, цесаревич решил лично напутствовать нас перед поездкой. К моему огромному сожалению, игнорировать подобное приглашение было невозможно.

— Интересно. Ты еще и светской жизни избегаешь? — хмыкнул ротмистр, внимательно

меня разглядывая.

— Если бы у меня было на нее время, может, и не избегала бы, — ответила спокойно. В правдивости этого утверждения я и сама сомневалась, но не хотела обсуждать собственные предпочтения и увлечения с Одержимым. — Это все, что вы хотели мне сказать?

— Даже не надейся, — он с ухмылкой качнул головой. — Ты же говорила, что не хочешь провалить из-за меня эту миссию? Вот и радуйся, я решил тебе подыграть. Расскажешь про этих плащей все, что знаешь, а я постараюсь запомнить.

— Я сама ознакомилась далеко не со всей информацией, — возразила я. — Не думаю, что сейчас смогу что-то объяснить. Лучше будет встретиться непосредственно перед отправкой.

— Даже не надейся, — насмешливо фыркнув, повторил мужчина. — Я уже говорил, что тебе придется привыкнуть к моему обществу, а мне — к тебе, чтобы я мог спокойно выполнять свои обязанности.

— При всем моем уважении, мне кажется, что вы... искажаете факты, — возразила я.

— То есть вру, ты это хотела сказать? — выражение лица его стало донельзя ехидным. — И зачем бы мне еще понадобилось с тобой здесь торчать?

— Это и мне интересно, — кивнула я, делая глоток уже несколько остывшего кофе. — И я все-таки надеюсь услышать правду и объяснения вашему поведению.

— Я тебе говорил, что скелеты — не в моем вкусе, — пренебрежительно фыркнул он. — Что бы ты себе ни придумала, твои сомнительные прелести интересуют меня в последнюю очередь. Прежде чем что-то воображать, хоть поинтересуйся, как на самом деле работают дороги-между-мирами.

— Что ж, так и поступим. Прошу меня извинить, — я поспешила подняться с места и покинуть кухню.

Откровенное неприкрытое хамство Ветрова раздражало. Не настолько, чтобы терять самообладание и отвечать ему тем же, но достаточно, чтобы воспользоваться любой возможностью избежать общества этого человека. А тут как раз подвернулся прекрасный повод.

В открытом доступе сведений об Одержимых не было, и это тщательно контролировалось — я уж не знаю, с какой целью. Наверное, мне стоило запросить всю нужную информацию еще вчера, вместе с досье на гвардии ротмистра, но я опрометчиво решила, что этот вопрос может подождать. А теперь... запрос-то я, конечно, отправила, но ждать ответа не хотелось. Тем более у меня имелась возможность получить ответы гораздо быстрее — для этого просто было необходимо связаться с одним старым знакомым.

— Михаил Антонович, доброе утро. Не отвлекаю? — не удержавшись от улыбки при виде знакомой физиономии, вежливо уточнила я. Нейрочип передавал картинку прямо в мозг, так что облик сидящего в кресле напротив молодого мужчины был иллюзией. Но я все равно была рада его видеть.

— Вета! — радостно воскликнул он, и симпатичное лицо озарилось радостной улыбкой. — Как ты можешь отвлекать? Я страшно рад тебя видеть! Хотя что-то мне подсказывает — ты ведь не просто так поболтать решила, да? — вздохнул он и несколько погрустнел.

— Прости, Миша, я в самом деле по работе, — виновато пожала плечами я. — Ты же по роду службы часто общаешься с Одержимыми? Видишь ли, меня отправляют в экспедицию, охрану которой будет осуществлять один из них, и меня несколько... озадачивает его

поведение. Он утверждает, что для работы ему необходимо... привыкнуть ко мне, это так?

— Ну, если там действительно требуется охрана, то он говорит правду, — нахмурился Полонский. — Только мне непонятно, куда тебя в таком случае отправляют?!

— Миша, ну что за вопросы, — с мягким укором протянула я. — Я же не спрашиваю тебя о работе и точных координатах твоих обожаемых маяков, правда?

— И то верно, — сокрушенно качнул головой он. — Но все равно мне это не нравится! Будь осторожнее. Если Одержимый решил на тебя настроиться, значит, опасность действительно велика; без нужды они этого не делают.

— Настроиться? — нахмурилась я, пропуская мимо ушей все предупреждения Михаила. Я уже вполне убедилась, что самой большой трудностью предстоящей миссии будет именно общество Одержимого, и в опасность варов перестала верить окончательно и бесповоротно. Совершать глупости, конечно, не планировала, но Ветров все равно тревожил меня гораздо больше.

— Ну, я тоже не очень понимаю физику и механизм этого процесса, поэтому расскажу, чему сам был свидетелем. Одержимые умеют открывать дороги-между-мирами мгновенно, но на то, чтобы увести туда кого-то постороннего, уходит много времени и сил. В случае же, когда может возникнуть необходимость в быстром перемещении, они предварительно... ну, привыкают к человеку, запоминают его на каком-то своем, необъяснимом уровне.

— Что им для этого нужно? И как долго длится это... привыкание? — уточнила я.

— Ничего ужасного; насколько я понимаю, им достаточно просто находиться где-то поблизости от объекта, в пределах прямой видимости, так что все исключительно в рамках приличия. А по поводу продолжительности я не знаю. Мне кажется, это индивидуально и зависит от конкретного случая; в среднем — неделю, может, больше, может, меньше. Но они в норме довольно необременительные люди, молчаливые и замкнутые, неохотно контактирующие с окружающими, так что не волнуйся, он не доставит особых проблем, — ободряюще улыбнулся Миша.

— Будем надеяться, — медленно кивнула я. Даже получилось улыбнуться не очень мрачно, без обреченности, и обойтись без нервного смешка, так и рвавшегося из груди наружу.

Похоже, мне досталось исключение и из этого правила: не просто лучший из Одержимых, но заодно самый обременительный, общительный и зачем-то настырно лезущий в мое личное пространство.

Чтобы не прощаться слишком поспешно и скомканно, оставляя у собеседника ощущение бегства, я поинтересовалась его делами, здоровьем и семьей и распрощалась только минут через десять.

Миша Полонский, талантливый инженер и специалист по тем самым гиперпространственным маякам, на которых строилась наша дальняя космическая навигация, был сыном давнего друга отца, моим другом детства и по совместительству — первой любовью. Как это и положено первой любви — несчастной, безответной и даже почти трагической, если учесть, что Миша был искренне влюблен в мою подругу Марию Лескову, на которой потом и женился. О моих чувствах он, разумеется, не догадывался: я уже тогда, в шестнадцать лет, прекрасно знала, какую карьеру изберу, и умела прятать ненужные эмоции ото всех. Только с отцом этот фокус никогда не проходил, но то отец!

Со времен учебы и с ним, и с Машей я общалась очень мало. Поводом была, конечно, служба и недостаток времени, а причиной... нельзя сказать, что я по-прежнему любила

этого, бесспорно, замечательного человека. Увлечение уже давно прошло, и после него были другие, но тяжелее всего было общаться именно с ним. Наверное, именно потому, что чувство было безответным и молчаливым и Полонский о нем так никогда и не узнал. А еще я искренне завидовала их чудесной семье — настоящей, любящей, почти сказочной — и ничего не могла с собой поделать по этому поводу. Понимала, что это неправильно и гадко, но все, что могла, — просто свести общение к минимуму.

В кухню к остывшему кофе и Одержимому я вернулась в весьма скверном расположении духа. Для разнообразия Ветров находился именно там, где я его оставила, и даже, кажется, никуда не совал свой нос. Мое появление он встретил до крайности гадкой улыбкой и ехидной репликой:

— Ну что, убедилась?

— Увы, — слегка пожав плечами, я в два глотка допила холодный кофе, потеряв всякое желание наслаждаться напитком. Даже если бы он был горячим и свежим, моего настроения это бы сейчас никак не улучшило. Под пристально-насмешливым взглядом гостя убрав посуду со стола в автоматическую мойку, я двинулась к выходу, бросив через плечо: — Следуйте за мной.

До кабинета я шла не оглядываясь, в душе искренне желая навязавшемуся на мою голову мужчине провалиться или где-нибудь потеряться. Правда, доставлять ему удовольствие и демонстрировать, насколько на самом деле мне неприятно его общество, я не собиралась.

Но желаниям этим было не суждено сбыться. В кабинет гвардии ротмистр прошел следом за мной и без приглашения плюхнулся в одно из свободных кресел, с интересом озираясь по сторонам.

— А ничего тут у тебя, уютно. Только это же не твой кабинет? — со смешком уточнил он, озираясь.

— Теперь — мой, — лаконично отозвалась я, активируя компьютер, извлекая из ящика стола контейнер с энцефалографом и небольшую коробочку с клыками, где была собрана вся имеющаяся информация по варам. — К сожалению, у меня нет достаточного количества времени, чтобы читать вам лекции и отвечать на вопросы, поэтому — прошу. У меня был второй энцефалограф, если хотите, я его найду.

— Сиди уж, не дергайся, мне все равно нельзя пользоваться мозгописцами, — поморщился он и, придвинувшись ближе, без спроса взял со стола нейроконтакт компьютера. Почти нестерпимо захотелось поинтересоваться, не по причине ли отсутствия мозга возникли такие ограничения, но я волевым усилием сдержалась, а мужчина тем временем продолжил: — Загрузи там что-нибудь поинтереснее, отчеты о вскрытиях хотя бы.

Я молча уложила следующий клык в предназначенное для него гнездо и принялась прилаживать на голову энцефалограф, внешним видом очень напоминавший эдакую шапочку, связанную крючком из тонкой разноцветной проволоки. Очень не хотелось погружаться в работу с прибором в присутствии не внушающего доверия постороннего лица: во время этой работы внешние рецепторы отключаются полностью и мозг сосредотачивается исключительно на внутренних процессах организма, но выбора у меня не было. К тому же я надеялась, что при всей своей наглости Ветров не настолько беспринципен, чтобы как-то пользоваться моей временной недееспособностью.

По странному совпадению информация на данном носителе включала в себя как раз сведения по биологии варов, практически как и заказывал гость.

Кредит доверия Одержимый оправдал. Когда сеанс работы с прибором был окончен и я

вернулась в реальность, вновь обретая возможность видеть, слышать и осязать, мужчина вел себя вполне прилично. Компьютер он забросил и сейчас с интересом изучал обстановку кабинета. Впрочем, изучал неожиданно вежливо, в шкафах не копался и ограничивался поверхностным осмотром.

— Странный выбор литературы для дипломата, — со смешком сообщил он.

— Как вы определили, что я уже слышу вас? Вы же стоите спиной? — поинтересовалась я, не спеша менять положение. Правильная моторика и координация движений восстанавливалась предпоследней, дольше наблюдались трудности только с памятью и в принципе мышлением.

— Какая разница, — отмахнулся он. — Так зачем тебе эти книги? На досуге изучаешь военное дело?

— Эти книги принадлежали отцу, он очень их любил, — вяло пояснила я.

— И кто же у нас отец? — с той же насмешкой уточнил ротмистр.

— Как нетрудно догадаться, Чалов Аркадий Андреевич, — так же невозмутимо ответила я, пытаясь хотя бы предварительно утрясти в голове полученную посредством энцефалографа информацию.

— Генерал-фельдмаршал Чалов? — резко обернулся Ветров, впери в меня очень пристальный и непонятный взгляд.

— Он самый, — слегка кивнула я, прикрыв глаза. — Я бы не сказала, что это страшная тайна.

— Я не знал, что у него были дети, — голос ротмистра прозвучал задумчиво и озадаченно.

— У него один ребенок, — педантично поправила я. Это была не то чтобы большая тема, но грустная: об отсутствии у меня братьев и сестер я переживала с самого детства, но мечты так и остались мечтами. — Это что-то меняет?

— От чего он умер? — проигнорировав мой вопрос, уточнил Одержимый.

— Сердце, — так же ровно ответила я. — Вы не могли бы некоторое время помолчать? Мне необходимо собраться с мыслями.

К моему искреннему удивлению, мужчина действительно оставил меня в покое. А я вместо работы задумалась, что говорить гадости — это тоже своего рода талант, и, похоже, Ветров обладает им на грани гениальности. Я готова была поручиться, что именно сейчас он не ставил себе целью спровоцировать меня или вывести из себя, но удивительно точно умудрился зацепить две из трех самых болезненных для меня тем; третьей была смерть матери.

Нет, на самом деле, если копнуть глубже, тема была одна: одиночество. Наверное, его можно было назвать проклятием нашей семьи. Оно убило мать; верная женщина способна ждать очень долго, вот только не всякое здоровье способно это самое ожидание выдержать. Анна Чалова была очень доброй и ранимой особой, и она просто не выдержала изматывающей тревоги за жизнь мужа. Одиночество убило отца. Официальное заключение говорило о сердечном приступе, но я-то знала истинную причину. Полный сил и энергии мужчина, получив отставку и почетную пенсию, сгорел за какой-то год и превратился в чуть живую развалину, не выдержав потери единственного оставшегося в его жизни смысла — службы. Не сумел найти себе другое применение — и умер от невысказанной обиды и собственной ненужности, а я ничем не смогла ему помочь.

Я, наверное, даже свою работу выбрала именно из-за этого проклятого одиночества —

пыталась таким образом получить прививку от извечного семейного недуга.

Волевым усилием отогнав мрачные бесплодные мысли, я все-таки сумела сосредоточиться на насущном. Странно, но Ветров этому процессу не препятствовал и никак в мои мысли не вмешивался. Может быть, выяснив личность отца, которого в армии очень уважали, проникся заодно уважением и ко мне? Но в этот вариант верилось слабо; Одержимый по первому впечатлению и характеристике совершенно не признавал авторитетов.

Второй вариант был правдоподобнее и тоже вселял определенный оптимизм: ротмистр все же умел разграничивать служебные вопросы и все остальное. То есть систематически отравлять мое существование он будет, но по крайней мере не будет мешать работать. А значит, с его присутствием вполне можно смириться.

Оставалось только надеяться, что своим поведением ротмистр не спровоцирует пару-тройку дуэлей. Это Аристов — дипломат и вообще очень сдержанный мужчина, для которого я — в первую очередь ценный самостоятельный специалист и только потом женщина. А вот если свидетелем подобного поведения Одержимого окажется кто-то еще, все закончится печально.

Надо думать, в бою Ветров тоже нечеловечески хорош, раз дожил до своих лет: в дуэлях он должен участвовать очень часто. Если даже он не бывает в более-менее приличном обществе, то в любом случае общается с офицерами, и мало кто из этих господ потерпит такое к себе отношение.

Все-таки интересно, кому и что он пытается таким поведением доказать? Попросто привык к такой манере общения и не желает что-либо менять? Слишком себялюбив, чтобы кому-то спокойно подчиняться? Демонстрирует протест против общего несовершенства мира? Мстит за какие-то детские обиды? Или — чем бес не шутит — в самом деле ищет смерти? Как-то все это... странно для офицера такого опыта и ранга. И мелочно.

Впрочем, решать проблемы Ветрова я точно не собиралась. В конце концов, может, у него просто нелады с психикой, и тут поможет только врач-специалист, или даже он уже не поможет: не стоит забывать, что я имею дело с Одержимым.

Зато у меня будет хороший дополнительный стимул решить поставленную цесаревичем задачу в кратчайшие сроки.

Когда я через некоторое время окончательно отошла от последствий использования энцефалографа, в кабинете ничего не изменилось. Ветров сидел в кресле, сквозь тонкий тюль шпор почти не мигая глядя в окно. Вид он при этом имел совершенно отсутствующий. Бросив взгляд на циферблат старинных напольных часов, стоявших в углу возле двери, я обнаружила, что время вплотную подобралось к двум часам дня.

С сомнением покосилась на открытый контейнер с кликами. Незученных осталось четыре, два из которых содержали информацию по языку. Можно было обойтись без последних, исключительно техническими средствами, но я больше доверяла собственному разуму. К тому же знание языка в противовес синхронному переводу, на мой взгляд, сильно облегчало понимание. Разумеется, в том случае, если человеческие органы были способны различить и воспроизвести нужные сигналы. Но с варами последняя проблема не стояла, надо было только немного поработать над артикуляцией.

После записи информации некоторое время стоило потратить на ее комплексное осознание и систематизацию, окончательно освоиться в языке. Потом хотя бы приблизительно выработать стратегию поведения и... думать. Много думать, с разных сторон

разглядывая полученные данные и пытаясь найти ключик к решению. По всему выходило — отведенного на подготовку времени хватало. Надумать что-то путное в отрыве от изучаемого общества я бы вряд ли смогла, но настроиться на нужный лад — вполне.

Потянувшись за следующим клыком, я опять запнулась взглядом о сидящего напротив мужчину и отчего-то отчетливо вспомнила его вчерашнее «ты есть не пробовала?», а вслед за этим — вечное ворчание Савельева на ту же тему. И решительно потянула с головы энцефалограф, с иронией размышляя о вреде и пользе гвардии ротмистра Ветрова. Вот, казалось бы, сплошная ненужная нервозность, а если бы не он, вряд ли я бы вспомнила о еде.

— Игорь Владимирович, вы будете обедать? — вежливо поинтересовалась я. Мужчина вздрогнул, как будто спал с открытыми глазами, а мои слова его разбудили, и с некоторым трудом сфокусировал взгляд на мне. Пару секунд молчал, будто не понимая, где находится и чего я от него хочу, а потом серьезное сосредоточенное выражение лица сменила уже знакомая ухмылка.

— Ты что, серьезно будешь готовить?

— Нет, — коротко ответила я, складывая энцефалограф в предназначенный для него контейнер. Хранить его иначе строго не рекомендовалось: прибор был очень хрупкий, механические воздействия легко могли его покалечить. А работать с неисправным энцефалографом... есть более гуманные способы самоубийства.

— А говорила, умеешь, — с показушным сожалением укорил он, поднимаясь с кресла.

— Уметь и делать регулярно — разные вещи, — спокойно возразила я. — Вы тоже умеете быть вежливым, но постоянно пользоваться этим навыком явно не желаете.

В ответ на это утверждение Одержимый расхохотался, но возражать и как-то комментировать не стал. Вместо этого, выходя вслед за мной из кабинета, с насмешливым сочувствием проговорил, цокнув языком:

— Ты что, вот так и сидишь целыми днями за компьютером? Занудная работа.

— Документы и разговоры — да, больше в этой работе нет ничего. Про занудство... Смотря с чем сравнивать, — я пожала плечами. — А вы полагали, служба дипломата отличается подвижностью?

— Я вообще не интересовался, чем вы занимаетесь, — фыркнул он. — То есть бегать ты не умеешь и шансов в оставшееся время подтянуть физподготовку нет? — сделал по-своему логичный, но неожиданный вывод мужчина. Я озадаченно кашлянула, едва не запнувшись на ровном месте.

— Не умею, — ответила честно. — А что, есть такая необходимость?

— Всякое бывает, но ты же все равно не умеешь, поэтому какая разница? — поморщившись, отмахнулся он.

Еду мы в самом деле не готовили. Иногда, правда, на Матвея что-то находило, и его тянуло к кастрюлям, но обычно свою страсть к кулинарии он утолял приготовлением каши для собаки. Не то чтобы он готовил совсем ужасно, но, определенно, результат не стоил потраченных усилий. Я же последний раз занималась этим еще при жизни отца, а с тех пор просто не видела смысла в трате такого количества времени на столь бессмысленные действия, когда гораздо проще было заказать еду из расположенного неподалеку ресторанчика. Уже довольно давно у нас с ними был заключен договор, и раз в несколько дней оттуда присылали набор блюд и согласовывали меню.

Пока мы спускались в кухню, я сделала один полезный вывод. Если Одержимый

намеревался мозолить мне глаза до самой отправки в экспедицию, стоило озаботиться вопросом его пропитания. В конце концов, хоть гость и незваный, а выгонять его не позволяла совесть; тем более он ведь, как оказалось, не для собственного развлечения это делает, а по объективной необходимости. Проблема была в том, что еду нам доставляли с расчетом на старика и регулярно пропускающую обеды и ужины женщину. А тут... Что представители сильного пола едят много, я выучила еще по отцу, а тот был невысокого роста и достаточно худощавого телосложения. Сколько продуктов может понадобится здоровому энергичному мужчине комплекции Ветрова, я представляла весьма смутно, и все равно количество получалось пугающее. Еды мне было не жалко, но об этом вопросе следовало позаботиться отдельно.

Практические наблюдения показали, что я серьезно недооценивала своего гостя. На ум пришла расхожая фраза «проще пристрелить, чем прокормить». Но пришлось идти сложным путем и сразу из кухни при помощи нейрочипа отправлять в ресторан сообщение относительно увеличения заказа. Значительного увеличения.

После обеда я вернулась в кабинет, а Одержимый упрямым хвостом проследовал за мной, и утренняя ситуация повторилась в точности. Я работала с энцефалографом, Ветров как-то еще убивал время; но, когда я очнулась, он точно так же буравил совершенно пустым взглядом сгущающиеся за окном сумерки.

Клыков у меня осталось три. Прикинув, как лучше поступить, решила за сегодня доучить всю информацию, а язык отложить на завтра. Но стоило шевельнуться, потянувшись к контейнеру, как мужчина резко обернулся ко мне и требовательно сообщил:

— Пошли.

— Что вы имеете в виду? — осторожно уточнила я.

— Собаку выгуливать, — с тем же мрачным видом заявил он.

— Я по-прежнему... — начала я, но Ветров с раздраженной гримасой перебил:

— Заходил твой ординарец, интересовался, пойдешь ты с собакой сама или ему вести. Я сказал, что пойдешь сама.

— Во-первых, он не мой ординарец. А во-вторых, может, стоило для начала поинтересоваться моим мнением? — хмурясь, уточнила я. — У меня еще дела и...

— У тебя есть два варианта, — резко оборвал мои возражения мужчина. С таким видом и таким тоном, что я сразу поверила в наличие у него очень богатого и разностороннего командного опыта. — Вариант первый, предпочтительный. Ты переодеваешься, берешь собаку и идешь дышать свежим воздухом. Вариант второй, на который ты откровенно напрашиваешься. Поскольку тратить время на то, чтобы переодеть тебя без твоего согласия, мне откровенно жаль, я просто закину тебя как есть на плечо, и на прогулку ты отправишься в таком порядке.

— Вы не посмеете, — пробормотала я. Получилось как-то очень жалко и неуверенно; я точно знала, что *этот* посмеет что угодно, и переодеть в том числе.

— Проверим? — он насмешливо вскинул левую бровь. Выражение лица стало настолько мерзко-ехидным, что почти нестерпимо захотелось сделать собеседнику хоть какую-нибудь гадость.

— Я доложу о вашем поведении...

— Да, это страшное преступление — отрывать тебя от мозгописца и выгонять в парк. Мне, конечно, вынесут выговор с занесением в личное дело, — продолжил издеваться Ветров. — Вот каждый по очереди вынесет, заканчивая Государем Императором. А может,

даже приговорят к пяти годам расстрела. Ты долго еще будешь испытывать мое терпение?

Молча сложив энцефалограф в контейнер, я так же молча поднялась с места и размеренным шагом прошла в спальню. Смешно сказать, я даже не сердилась; это был настолько неожиданный поворот событий, что я совершенно растерялась и не представляла, как на него реагировать.

Впрочем, относительно дальнейших действий вопрос не стоял: следовало переодеться и собраться на прогулку. Иных вариантов мне просто не оставили, и я прекрасно понимала, что бороться бессмысленно. Возможности физического сопротивления у меня попросту не было — не стрелять же в него из укрытия из-за такой ерунды, в самом деле! — но и просить помощи негде. Кому бы я ни пошла жаловаться, толку бы не было. И Аристов, и Савельев, а вслед за ними и все прочие совершенно определенно встанут на сторону Одержимого. Если бы Матвею Сергеевичу хватило сил и наглости, с него бы случилось поступить точно так же. Максимум, что сделает верный друг отца в ответ на мои жалобы, — ласково пожурит ротмистра за резкость и бестактность. На словах. При молчаливом одобрении.

Самое обидное, я также понимала: по-хорошему, Ветров действительно прав, и то, что он сейчас делает, он делает мне во благо. Свежего воздуха мне определенно не хватало, с этим тоже было глупо спорить, да и злоупотреблять работой с энцефалографом не стоило. Но я так привыкла работать на износ, что никак не могла, да и не хотела менять этот график.

Одно было непонятно: зачем все это самому Ветрову? Он хамит, язвит, говорит гадости — и вдруг проявляет такую ответственную заботу о моем здоровье. В самом деле посчитал это частью своих обязанностей? Других вариантов я не видела.

Спокойно, без спешки и возни переменяв одежду и собрав волосы, я накинула на плечи шаль и даже приколола аккуратную шляпку — просто потому, что в нее был встроена силовая зонт. К вечеру похолодало и зарядил дождь, так что погода к прогулкам не располагала.

— Пойдемте гулять, Ваше Величество, — вежливо обратилась я к Македе, активируя поводок и направляясь к выходу. Собака с готовностью поднялась, оживленно встряхиваясь и бодро помахивая хвостом, а одновременно с ней почему-то покинул кресло мой гость. — А вы...

— Проконтролирую, — с ухмылкой заявил он, открывая дверь кабинета, и кивнул на дверной проем. — Пойдем.

До парка по ярко освещенным улицам мы шли молча. Мелкий частый дождь благодаря работе зонтика окутывал меня искристым коконом, но кожи и одежды не касался. А вот моего спутника непогода совершенно не беспокоила; невозмутимо заложив большие пальцы рук за ремень, он с неприступным видом конвоира шагал рядом. Капли воды стекали по его лицу, но Одержимый даже не морщился.

— Вы не боитесь простудиться? — в конце концов уточнила я.

— Я, в отличие от тебя, здоровый и закаленный, — насмешливо фыркнул он. — Что, истерики не будет? — язвительно уточнил мужчина, вскинув брови.

— Я считаю неразумным тратить время, силы и нервы на столь бессмысленные действия, — я слегка пожалала плечами. — Кроме того, если не считать формы подачи сообщения, вы совершенно правы, мне действительно полезно было отправиться на прогулку. Думаю, стоит поблагодарить вас за заботу о моем здоровье, хотя я и не понимаю, чем она вызвана.

Вот теперь мне удалось его удивить: благодарности и признания его правоты мужчина явно не ожидал. Одарив меня странным задумчивым взглядом, Одержимый коротко кивнул.

Поскольку никаких пояснений не последовало, я решила уточнить прямо:

— А все-таки какое вам дело до моего здоровья?

В ответ ротмистр состроил недовольную гримасу, будто я спросила нечто совершенно неприличное.

— Игорь Владимирович? — настойчиво позвала я, потому что иного ответа, кроме недовольной физиономии, не получила.

— Побочные эффекты, — поморщившись, все-таки ответил он, признавая мое право знать. — Чтобы иметь возможность безболезненно таскать тебя по дорогам-между-мирами, я должен на тебя настроиться, чтобы понимать твое состояние в каждый момент времени и знать, где и в каком качестве ты находишься. И твое плачевное физическое состояние в этой связи чертовски раздражает.

— Мне кажется, вы недоговариваете, — я покосилась на мужчину озадаченно.

— Все остальное — не твое дело, — недовольно огрызнулся он. На этом разговор завершился: возможности настоять на ответе у меня не было, да и с понятием «государственная тайна» я была знакома. А жалко; похоже, мне довелось вплотную приблизиться к едва ли не главной загадке современности — сущности Одержимых.

Сейчас было особенно сложно спрятаться за привычной версией о мутациях и деформации психики. Если быть честной, она всегда выглядела довольно сомнительной и очень многого не объясняла, и вот эта самая «настройка» была как раз из числа необъяснимого.

В итоге за всю прогулку ни я, ни Одержимый не сказали больше ни слова, погруженные в свои мысли. К сожалению, сосредоточиться на работе не получалось: слишком настойчиво меня грызло любопытство, объектом которого был идущий рядом мужчина.

От единственного путешествия в сопровождении Одержимого у меня не осталось никаких впечатлений: нас погрузили в некое транспортное средство, похожее на обычный аэролет без окон, и через несколько часов мы оказались на месте. По всему выходило, в этот раз дело предстояло совершенно иное, для чего Ветрову и было необходимо привыкнуть к моему присутствию.

Где-то через час, когда мы уже направлялись в сторону дома, я смогла сформулировать внятную причину необходимости этого «привыкания». Если мое плачевное физическое состояние так сильно раздражало ротмистра, получалось, что он не просто наблюдал за ним со стороны, а именно *ощущал*. Если принять это допущение за истину и вспомнить, что дорогами-между-мирами Одержимые безболезненно могут ходить только сами (а этот факт был почти аксиомой), лазейка оставалась одна: пассажир в некоторой степени должен был стать частью возницы. Как это было технически возможно и чем грозило, я не представляла, но пример не единожды проходившего через эту процедуру Полонского внушал оптимизм.

— Надеюсь, следить, чтобы ты легла спать, а не уткнулась в компьютер, не надо? — мрачно уточнил мужчина, когда мы подошли к дому.

— Не надо, — качнула я головой. Хотела проявить вежливость и пригласить мужчину хотя бы обсохнуть, но тот молча кивнул и двинулся дальше по улице. — Доброй ночи!

Но Одержимый даже не обернулся, явно спеша поскорее вернуться домой.

Глава третья. Проводы

Когда человек счастлив, он танцует. А когда танцует, он иногда счастлив.

Станислав Попов

Наше с Ветровым взаимное привыкание, которым он грозился, прошло достаточно безболезненно. При всей своей наглости и бесцеремонности мужчина по-прежнему не мешал мне работать и являлся исключительно в свободное от службы время.

Как я и предполагала, Матвей Степанович проникся к нему искренней симпатией: для старого офицера всякие мелочи вроде вопиющего хамства меркли на фоне того факта, что ротмистр заставлял меня регулярно питаться и выгонял в парк.

Привыкла к частому гостю и Македа, хотя особой симпатии к Одержимому не питала, даже несмотря на то что инициатором регулярных долгих прогулок был именно он.

Сама я с фактом появления у меня такой язвительной угрюмой тени тоже смирилась довольно быстро. Ехидные ремарки по поводу и без окончательно перестали тревожить, проходя где-то на фоне. Кроме того, Ветров даже начал приносить ощутимую пользу: через три дня я выписала для него универсальный переводчик с языком варов и тренировала на нем произношение. Ротмистр явно не слишком радовался подобному собственному применению, но не возражал, и в итоге все наши пикировки проходили на варском. Насколько это было возможно при скудости языка.

Информации по Одержимым мне не дали. Прислали очень вежливый ответ, суть которого сводилась к прямолинейному ветровскому «не твое дело». А еще к этому ответу прилагались заверения, что Одержимый ни в коем случае не причинит никакого вреда, и, если он что-то делает, значит, все делает правильно. Очень хотелось уточнить, относятся ли сюда маргинальное поведение и воспитательские замашки, но пришлось смириться и оставить как есть. Вернее, не совсем смириться, а ограничиться личными наблюдениями.

Например, я заметила странную закономерность в поведении мужчины: по необъяснимой причине утром он был особенно язвителен и ехиден, а к вечеру становился задумчив, рассеян, нелюдим и больше огрызался, чем разговаривал.

Размеренный распорядок дня, в который меня практически силком втащил Ветров, нарушился внезапно. Я настолько увлеклась варами и подготовкой предстоящей поездки, что совершенно забыла о приглашении цесаревича. И не вспомнила бы, если бы по дороге к дому из парка эту тему не поднял Одержимый.

— Я приеду за тобой к шести. Ты успеешь собраться? — угрюмо поинтересовался он.

Я уже выучила, что задавать какие-то уточняющие вопросы этому человеку — значит провоцировать его на очередной язвительный монолог, и предпочитала догадываться самостоятельно. Хотя бы пытаться.

Стоило задуматься, а куда, кроме собственно основной цели, мы можем направляться совместно с гвардии ротмистром, как решение нашлось само собой.

— Я не думаю, что это хорошая идея. Я прекрасно сумею...

— Я задал тебе конкретный вопрос, — с тем же мрачным недовольством оборвал меня мужчина.

— Я не собираюсь никуда ехать с *вами*, — упрямо возразила я.

— Это не обсуждается.

— Вот именно, — кивнула я.

Поскольку приглашение было на одно лицо, без указания сопровождающих, я вполне могла позволить себе прибыть в одиночестве. Впрочем, учитывая манеры Ветрова, я бы предпочла куда угодно прибыть одна, чем с ним. Если наедине я к отсутствию у него воспитания уже притерпелась и привыкла, то краснеть за такого спутника еще перед кем-то точно не собиралась. И в этот раз была готова отстаивать свою точку зрения до последнего. Не потащит же он меня на прием к цесаревичу волоком, правда? Во всяком случае, я очень на это надеялась.

Надеялась не зря: Одержимый не стал настаивать. Окинул меня тяжелым немигающим взглядом, потом вдруг глумливо ухмыльнулся и пожал плечами.

— Как хочешь. Не говори потом, что я не предупреждал.

О чем он меня предупреждал, уточнять я не стала, чтобы не портить себе настроение. А «добрый ночи» снова желала спине мужчины.

Заранее озаботиться платьем для вечера я не собралась, но проблемой этот факт не стал. Зная, что некоторые светские мероприятия обязательны к посещению и что времени на подготовку у меня часто не бывает, я держала в запасе несколько вечерних туалетов из разряда «вечной классики». Следить за модными веяниями не было ни времени, ни сил, ни желания.

Утром я для разнообразия решила поспать подольше, да и вообще сегодняшний день посвятить не работе, а приведению себя в порядок. Понятное дело, за один день сделать это толком было невозможно, но являться пред очи великого князя в откровенно затрапезном виде — верх неприличия.

Что меня мирило с косметическими процедурами, так это полная их независимость от процессов мышления. То есть пока вежливая молчаливая сотрудница салона сопровождала меня от прибора к прибору и пока над моим телом производились какие-то преображающие манипуляции, я могла спокойно продолжать обдумывать поставленные задачи. Записывать выкладки на бумагу, правда, возможности не было, приходилось ограничиваться только возможностями нейрочипа. А жалко: моторная память и аккуратно построенные схемы всегда облегчали мне жизнь.

Но зато вечером, когда я вернулась домой и дополнила готовую прическу и приличествующий случаю макияж серьгами, нитью белого жемчуга, платьем и перчатками, отражение в зеркале выглядело весьма пристойно. Бледность была уже не болезненной, а вполне аристократичной, темные круги вокруг глаз исчезли. Холодный голубой со стальным отливом цвет платья не делал меня похожей на привидение, а придавал очарования и подчеркивал хрупкость. И платье было удачное — приталенное, с открытыми плечами и скромным декольте. В общем, выглядела я не как свежий покойник, а как изящная фарфоровая статуэтка, то есть вполне прилично для девушки из хорошей семьи. А бойкой яркой красавицей я никогда и не была — темперамент не тот.

Императорский дворец был невысок, но состоял из целого комплекса различных зданий и очертаниями напоминал нечто среднее между розеткой какого-то кристалла и цветком лотоса. Парки, оранжереи, парадные гостиные, залы приемов, спальни, ангары, кухни — это был целый город в городе, блуждать по которому можно было бесконечно. К счастью, мне несколько раз доводилось здесь бывать, так что я по меньшей мере примерно представляла,

куда нужно идти и как добираться. А дальше один из караульных, выслушав, кто я такая и зачем явилась, вежливо сопроводил меня к месту назначения.

Опаздывать на такие мероприятия имел право только цесаревич, но и появляться сильно заранее — не лучший вариант. В этот раз все сложилось как нельзя удачно, до нужной парадной залы я добралась без четверти семь. Правда, хозяин вечера оказался уже на месте и встречал гостей — видимо, не утерпел. Да и весь прием, похоже, предполагался настолько неформальным, насколько это было возможно в присутствии наследника. Даже приходящих гостей никто не объявлял, да и гостей этих явно ожидалось немного.

Как и большинство благородных юношей, получающих военные специальности, наследник предпочитал гражданской одежде военную форму и только выигрывал от этого. Голубой космолетный мундир подпоручика был очень к лицу молодому мужчине, подчеркивая цвет глаз, светло-русые с золотистым отливом волосы, широкие плечи и военную выправку. Наследник вообще был гордостью не только своих родителей, но и всей Империи: красив, благороден, великолепно воспитан, отличник учебы, умный, любознательный и разносторонне развитый человек.

— Добрый вечер, Ваше Высочество, — неглубокий реверанс с поклоном.

— А вот наконец и виновница торжества, — искренне улыбнулся цесаревич, кивком обозначая поклон. — Вета Аркадьевна, вы сегодня обворожительны, — сообщил он, поднося к губам мою руку. — Но где же ваш кавалер?

— Простите, но я не совсем понимаю, о ком Вы, — мягко проговорила я.

— О господине Ветрове, — растерянно пожал плечами цесаревич. — Я специально просил его составить вам пару и позаботиться о вас.

— Боюсь, госпожа Чалова уже устала от моей заботы и пожелала хоть немного от нее отдохнуть, — практически над головой прозвучал знакомый голос с не менее знакомыми ехидными интонациями. А я порадовалась, что нервы у меня крепкие и неожиданное появление ротмистра за спиной не заставило меня несолидно шархнуться. Но очень сильно захотелось как-нибудь мелко отомстить.

— Игорь Владимирович, как вам не стыдно так мучить княгиню! — Одержимого наследник престола встретил сияющей улыбкой и теплым рукопожатием. Похоже, он не просто знал этого гостя, а знал его хорошо и очень хорошо к нему относился.

— Стыдно, Ваше Высочество, — губы ротмистра сложились в хорошо знакомую ухмылку. — Поэтому я и не стал настаивать.

Они обменялись еще несколькими малозначащими фразами, а я получила возможность увидеть Одержимого в ином амплуа. С одной стороны, он практически не изменился; разве что парадный черный кавалерийский мундир придавал и без того внушительной фигуре мужчины что-то зловещее. Да и выражение лица в целом было привычным, вот только на великого князя Ветров смотрел... странно. Не со своим обычным ехидством, и даже не заискивающе, чего тоже теоретически можно было ожидать, — тепло и снисходительно, как на любимого ученика или племянника, пока еще слишком юного, чтобы вызывать полноценное уважение, но вполне достойного одобрения и искренней похвалы. Более того, цесаревич вполне соответствовал отведенной для него роли, явно относясь к Одержимому с большим уважением и даже восхищением.

Похоже, биография Ветрова на практике оказывается еще интереснее, чем можно было ожидать. Но зато теперь хотя бы ясно, почему цесаревич для этой миссии выбрал именно его.

— Вета Аркадьевна, я понимаю, с Одержимыми с непривычки действительно трудно, а

я еще своевольно обрек вас на общество самого одержимого из них всех, но... скромная личная просьба: все же составьте компанию господину Ветрову на этот вечер, — с виноватой улыбкой обратился ко мне великий князь. — Боюсь, иначе он просто забьется в какой-нибудь угол, и мне будет ужасно неловко, что я пригласил его и вот так бросил.

— Только ради вас, Ваше Высочество, — с умеренно кокетливой улыбкой поклонилась я. Наследнику престола в скромных просьбах не отказывают. Особенно личных.

— Со своей стороны обещаю, господин гвардии ротмистр будет вести себя прилично, — с чуть насмешливой угрозой добавил великий князь и, кивком извинившись, пошел встречать других гостей, оставив нас вдвоем. Забавное ощущение: вокруг полно знакомых лиц, потому что большинство присутствующих — мои коллеги, но монументальная фигура Одержимого рядом напрочь отбивала у них желание поздороваться.

— Я же говорил, — не смог промолчать Ветров.

— Не ожидала, что вы так близко знакомы с наследником. Впрочем, это кое-что объясняет, — задумчиво проговорила я, легко и уже привычно выдерживая тяжелый взгляд Одержимого.

— А я не ожидал, что ты еще и княгиня. Это тоже кое-что объясняет, — насмешливо передразнил собеседник.

— Это есть в моем личном деле, где-то сразу после имени и возраста. И пробелов под грифом «совершенно секретно» там значительно меньше, чем у вас, — пожав плечами, спокойно ответила я.

Не оправдываться же перед ним, в самом деле. Тем более это было просто красивое слово, не несущее никакой смысловой нагрузки. Титул пожаловали отцу за заслуги перед Империей, вместе с фельдмаршалским жезлом и пенсией. Символ нескольких прошедших войн надо было аккуратно и с максимальным почтением убрать с глаз долой: Государь должен думать о политике и будущем страны, а не о душевном комфорте отдельных людей. Я все это прекрасно понимала и не держала на Императора обиды даже в глубине души, но никогда не любила лишних напоминаний о почетной отставке отца, погубившей его. А перешедший мне по наследству титул был как раз таким напоминанием: именно смерть отца сделала меня из княжны княгиней.

По возможности титулы, согласно традиции, старались передавать по прямой мужской линии, но в конце концов все упиралось в волю самого дворянина. Если он считал дочь более достойной, вполне мог отразить это в завещании. А у генерала-фельдмаршала Чалова вообще не было других родственников, не только детей.

— Не имею привычки копаться в чужой жизни. А ты, стало быть, с моей биографией ознакомилась? — язвительно уточнил он. — И как?

— Полностью соответствует моим личным наблюдениям. Правда, ваша избирательная вежливость там не указана, — все тем же ровным тоном парировала я. Ухмылка Ветрова приобрела угрожающе-хищный оттенок, но высказаться он не успел: всеобщее внимание привлек наследник, вновь подошедший ближе к нам.

— Дамы и господа, прошу минуточку внимания! Я бы хотел начать этот небольшой дружеский вечер с приятного, а именно — высказать свое восхищение и уважение прекрасной решительной женщине, на чьи хрупкие плечи я так бесцеремонно взваливаю тяжелую ношу, оказавшуюся не по силам многим мужчинам: Ее Светлости Вете Аркадьевне Чаловой. Мне почему-то кажется, что она единственная способна решить эту сложную важную задачу и найти общий язык с такими загадочными и необычными существами, как

вары. Считайте это интуицией. Ну, а если предчувствия окажутся ошибочными, я очень надеюсь, что моя самонадеянность не будет стоить Империи столь ценного специалиста и очаровательной женщины, и господин гвардии ротмистр Ветров сумеет ее защитить и спасти. Игорь Владимирович, я очень на вас рассчитываю, — прижав ладонь к груди, с жаром проговорил наследник и несколько раз хлопнул в ладоши. Короткие сдержанные аплодисменты Одержимый встретил совершенно зверской гримасой, очень мрачно и неодобрительно глядя на цесаревича, а я — все той же вежливой сдержанной улыбкой. — Дамы и господа, вальс! — кажется, великий князь понял по лицу ротмистра гораздо больше, чем все остальные, заметно стушевался и поспешил сгладить неловкость.

Ах да, об этой маленькой невинной слабости цесаревича я постоянно забывала: Владимир Алексеевич очень любил танцевать. Честно говоря, эту его склонность я вполне разделяла и даже на какое-то мгновение обрадовалась. До тех пор пока меня не вернул в реальность, кажется, еще более раздраженный, а то и вовсе откровенно злой Ветров.

— Пойдем, — мрачно буркнул он. Бросив на него взгляд, я глубоко вздохнула и вложила свою руку в ладонь мужчины, затянутую в белую перчатку. Морально была готова к чему угодно, вплоть до бесцеремонного рывка и утаскивания меня в тот самый темный угол, помянутый наследником.

Однако Ветрову удалось меня удивить. Не тем фактом, что он умел танцевать — в конце концов, это входило в обязательную программу обучения молодых офицеров, — а тем, что явно собирался это делать. Правда, с таким видом, будто ему это не то что не нравится, но причиняет вполне физическую муку. А потом зазвучала музыка, и все остальное отошло на второй план.

Я люблю танцевать. Наверное, отсутствие подобной возможности — единственное, что расстраивает меня в недостатке времени на светскую жизнь. Не знаю почему, но из всех искусств именно танцы давались мне легче всего и доставляли самое большое удовольствие. Может быть, потому что я люблю свою работу, а танец — это тоже своего рода разговор? Честный и гораздо более откровенный, чем это возможно на словах, разговор двух человек.

Насколько трудно было разговаривать с Одержимым, настолько легко с ним оказалось танцевать. Уже через несколько мгновений я сумела полностью расслабиться, довериться рукам партнера и его чувству музыки: и то, и другое было безупречно. Сильный, спокойный, уверенный, надежный, бережно направляющий и поддерживающий. Фигуры сменяли друг друга, бордо и позолота отделки стен кружились вокруг, блики сотен огней дробились в зеркалах. Паркет под ногами не то что не скользил — даже как будто слегка пружинил, делая шаги легкими, летящими.

Должно быть, мы очень эффектно выглядели со стороны: высокий статный офицер и кажущаяся в его руках еще более невесомой и хрупкой женщина.

Музыка закончилась, танцующие раскланялись друг перед другом. Ветров был все так же мрачен, как и в начале танца, только уже не зол, а скорее задумчив и сосредоточен. Он даже сумел промолчать и не испортить мне настроение каким-нибудь собственным комментарием.

В итоге вечер прошел даже лучше, чем я могла надеяться. Много танцевали, много смеялись (особенно благодаря наследнику и нескольким молодым офицерам, его друзьям), да и вообще атмосфера царила весьма непринужденная. Одержимый оказался предсказуемо плохим кавалером, но по крайней мере в основном молчал, чему я только радовалась и, несмотря на просьбу цесаревича, бороться с чем даже не пыталась. К моему удовольствию,

мы очень быстро оказались втянуты в ту самую молодую жизнерадостную компанию (я догадывалась, что за это стоило поблагодарить хозяина приема), и маячить тенью в углу Одержимому не удалось. Но зато не пришлось больше танцевать: кажется, он совершенно не горел желанием это делать и тоже был благодарен цесаревичу за своевременно исправленную оплошность с попыткой поручить нас заботам друг друга.

Нашлось время и на то, чтобы обсудить дела. Великий князь живо интересовался ходом подготовки, искренне желал успехов и велел беречь себя. Удалось побеседовать и с графом Веселовым, моим предшественником, потерпевшим с варами неудачу. Этот пожилой умный мужчина специализировался на гуманоидах нечеловеческого происхождения, и провал с плащами вызывал в нем чувство глубокой досады. Правда, мне он краха не предрекал, а, наоборот, наказывал «расковырять этот орешек».

В конце вечера Ветров вызвался проводить меня, и тут я уже не стала возражать. Хотя высказано это было в привычном приказном тоне и с таким видом, будто я чем-то очень сильно перед Одержимым провинилась.

Не стала возражать уже хотя бы потому, что с этим провожатым я не рисковала заблудиться и забрести не туда: во дворце мужчина ориентировался удивительно уверенно.

— Вы очень хорошо танцуете, — решила я все-таки попытаться завязать разговор. Ротмистр шагал совершенно бесшумно, и тишина, нарушаемая только стуком моих каблуков, сейчас почему-то раздражала. Очень хотелось спросить про неожиданно всплывшее знакомство Одержимого с наследником престола, но я догадывалась, какой ответ получу, поэтому предпочла более нейтральную тему.

— Дурное дело не хитрое, — поморщился он.

— Не скажите. Здесь, как и везде, нужен либо талант, либо долгие тренировки, — мягко возразила я.

— Бесполезное и совершенно бессмысленное занятие, — огрызнулся он.

— А гадости вы говорите исключительно с великим смыслом? — уточнила я, не удержавшись от сокрушенного вздоха.

— Не хочешь слышать гадостей — не говори глупостей! — не глядя в мою сторону, буркнул ротмистр. Пришлось внять совету и замолчать: неловкая тишина в самом деле была предпочтительней брюзжания Ветрова.

Право, некоторым людям Бог даровал речь совершенно напрасно.

До ожидающего наемного аэролета мы добрались быстро. Мужчина помог мне забраться внутрь (вернее, почти впихнул в кабину, но, надо отдать ему должное, довольно аккуратно), сел сам (видимо, решил удостовериться, что я доберусь до дома), и машина поднялась в воздух.

Полет, как и весь остальной путь, прошел в тяжелом молчании. Одержимый в той же манере помог мне выбраться наружу — приподняв за талию, аккуратно вынул и поставил на мощеную дорожку, а сам вернулся в аэролет. «Доброй ночи» я уже привычно желала его спине.

Оставшиеся три дня до старта дипломатической миссии прошли достаточно сумбурно, но плодотворно. Окончательно утряслись все формальности, вары подтвердили готовность принять новую делегацию. Для чистоты эксперимента меня решили отправить на другую планету на противоположном конце сектора, обжитого этим видом. Кроме того, была проведена соответствующая медицинская подготовка организма, а именно — вживлены кислородные фильтры, потому что на планете назначения при гравитации выше земной

этого газа в атмосфере было значительно больше.

Окончательно решили вопрос с одеждой: и для меня, и для моего спутника были изготовлены комбинезоны, аналогичные тем, которые носили сами вары. Ну и, конечно, плащи. В принципе, при учете плащей можно было обойтись привычными вещами, но я на всякий случай решила исключить и этот фактор. Было непривычно: я не любила брюки и не носила их уже очень давно, но это было меньшее из зол.

Что касается зла большего, а именно Ветрова, он в эти дни вел себя еще более странно, чем прежде. Появлялся внезапно и непредсказуемо, точно так же уходил, был ужасно рассеян, еще более раздражителен, чем раньше, на вопросы отвечал невпопад или вовсе огрызался, но все больше молчал.

Во избежание излишней шумихи отправка предполагалась из здания Департамента. Проводить нас прибыл цесаревич, начальник Департамента — канцлер Империи его высокопревосходительство граф Николай Петрович Ивлев — и очень худой болезненного вида немолодой Одержимый, кажется, командир Ветрова, судя по мундиру, состоящий в чине генерал-майора. Они встретили меня в кабинете все еще находящегося на другом конце Империи Аристова, наследник престола лично успокоил, что все готово, и мы вчетвером спустились на нужный ярус.

Специально для таких путешествий на нижних уровнях была выделена отдельная просторная комната без окон. Несмотря на то что на сырое зловещее подземелье она не походила и даже была отделана жизнерадостным светлым песчаником, почти полное отсутствие освещения (единственный слабый светильник был вмонтирован в пол посередине) делало ее очень неудобной.

Ветров и сравнительно небольшая сумка с подготовленными для нас вещами уже ожидали посреди комнаты перемещений. Если в прошлый раз мне от здешнего антуража было просто не по себе, то теперь стало откровенно жутко. Одинокая фигура ротмистра в глухом плаще до пола окончательно отбивала желание куда-то отправляться, даром что я со стороны выглядела не лучше.

Великий князь наказал беречь себя, канцлер, грозно подкручивая ус, сообщил, что «на нас вся надежда», и велел ее оправдать, а незнакомый Одержимый напутствовал тихим и, на мой вкус, не слишком оптимистичным «темной дороги», после чего мы остались вдвоем. Я поспешила подойти ближе к единственному источнику освещения и своему спутнику.

— Почему здесь так темно? — спросила я в попытке нарушить пугающую тишину. Но стало еще жутче: голос в просторной пустой комнате отдавался эхом, от которого по спине пробегал холодок.

[Купить полную версию книги](#)